

АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

НАРОДНАЯ ВОЛЯ
2017

Андрей Бондаренко
Народная Воля – 2017
Серия «Неформатные книги»

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=664495

Аннотация

Давайте, договоримся сразу. Что называется, на берегу.
Речь идёт о Параллельном мире, не более того.
Да, Россия. Но только Россия – Параллельного мира.
Все аналогии не имеют никакого значения. И ответственности
– ни малейшей – не влекут.
Так всем будет легче и проще.

Содержание

От Автора	4
Пролог	6
Глава первая	19
Глава вторая	35
Глава третья	51
Глава четвёртая	66
Глава пятая	83
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Андрей Бондаренко

Народная Воля – 2017

От Автора

Давайте, договоримся сразу. Что называется, на берегу.

Речь идёт о Параллельном мире, не более того.

Да, Россия. Но только Россия – Параллельного мира.

Все аналогии не имеют никакого значения. И ответственности – ни малейшей – не влекут.

Так всем будет легче и проще.

И мне. И вам. И сотрудникам доблестной ФСБ.

Автор.

Из случайно подслушанного разговора.

– В России сейчас – в глобальном понимании – безраздельно царствует её Величество Свобода. Хочешь обеспеченности, сытости, богатства и славы? Не вопрос. Стань скользким, мутным, пройдошистым, хитрым и беспринципным. Научись врать, не платить налогов, лизать задницу вышестоящим гражданам и говорить бесконечно-красивые слова. Позабудь о милосердии, жалости и сострадании. И всё у тебя будет – квартиры, машины, загородные дома, шикар-

ные яхты, белоснежные виллы на берегах тёплых и ласковых морей, доступные длинноногие женщины – в широком ассортименте.... Хочешь быть честным, добросердечным и благородным? Мечтаешь приносить реальную пользу обществу и Родине? И в этом случае нет никаких проблем. Будь и приноси. Никто мешать не станет. Только, брат, в этом случае заранее и навсегда смиришься с будущей беспросветной нищетой, бытовой неустроенностью и однозначно-обидным ярлыком, мол: – «Жить не умеет, чудак недоделанный...».

– Что-то мне не нравится такая Свобода.

– Мне, честно говоря, тоже.... Вот, «Народная Воля» и борется – неадекватными методами – со сложившейся несимпатичной ситуацией. То бишь, стремится вывернуть её наизнанку. Мол, пусть хитрые и мутные – станут бедными. А благородные и честные, наоборот, богатыми.... Ещё Президент России постоянно говорит с телевизионного экрана, мол: – «Мы не будем закручивать гайки...». Ладно, не закручивайте, мужи либеральные, коль кишка тонка. «Народная Воля» это сделает за вас...

Пролог

Этого быть не могло. Но, тем не менее, случилось.

Отгремела Первая чеченская война. Не смотря на неразрешимые межнациональные разногласия, было заключено прочное перемирие. Авторитетный генерал Гусев, ясный перец, постарался.

Федералы, отрезав от своенравной Республики примерно одну треть, продвинулись до самой Реки.

Как называлась Река? Не имеет никакого значения. Русские называли её по-своему. Чеченцы – на собственный манер. В официальных географических атласах она значилась под третьим названием. Бывает...

Тем не менее, перемирие было достигнуто. Более того, оно скрупулезно соблюдалось обеими враждующими сторонами на протяжении – без малого – девяти месяцев.

Случались, конечно, и единичные инциденты – со стрельбой и хладными трупами. Но крайне редко и нерегулярно. То бишь, без характерной динамики, обещавшей новую войну. Из серии – «вялые приграничные конфликты».

Да и взаимная стрельба велась несерьёзно и вяло, сугубо от дури отдельных, не в меру нервных и горячих бойцов.

В том смысле, что ни одна из сторон даже и не пыталась форсировать Реку. Постреливали друг в друга с противоположных берегов, не более того. Мол, и генерал-лейтенант Гу-

сев, и Президент Ичкерии Мусса Даудов – фигуры знаковые и уважаемые. Более того, гневливые, своенравные и решительные. Способные – лично – расстрелять провинившегося. Причём, без всякого суда и следствия. Не опасаясь ни родовой мести, ни истошных демократических воплей.

Таких взрослых персон, ясная фарфоровая перечница, надо уважать, побаиваться и – беспрекословно – слушаться. Если, конечно, жизнь дорога. Не говоря уже про офицерские погоны и ценные родовые папахи...

– Странно это всё, – сосредоточенно хлебая гнutoй-перегнутой алюминиевой ложкой армейскую пшённую кашу, щедро сдобренную жирнящей свиной тушёнкой, ворчал старший лейтенант Назаров. – Не нравится – лично мне – такая затяжная и звонкая тишина. Так и веет – хренью новой, кровавой.

– Сплюнь, командир, – посоветовал ефрейтор Ванька Борченко, состоявший при Назарове в качестве ординарца, повара, официанта, радиста и дежурного собеседника. – И по дереву постучать не забудь. Причём, и плюй усердно, и стучи – от души.

– Пшёлты...

– Сам – пошёл.

– Молчать! На гауптвахте, морду наглуую, сгною.

– Сгноил один такой. Как же.... Во-первых, гауптвахта – изначально – она предназначалась сугубо для благородного

офицерского сословия. Во-вторых, кто же тогда по утрам – тебе, гастритнику заскорузлomu – будет готовить жиденькую манную кашку? А пышный омлет с помидорами? Кто, блин, я спрашиваю?

– Ладно, живи, уговорил, – благостно вздохнул старший лейтенант. – Манная каша (почти мамкина), она дорогого стоит. Как, кстати, и омлет.... Иван, а где ты куриные яйца берёшь? Я, конечно, лох чилийский и всё такое прочее, но некоторые вещи различать умею. Например, порошокoмлет от натурального – завсегда – отличу. Ну, чего молчишь, прохиндей?

– Дык, это...., – замялся Борченко, – Женский пол – яйцами – обеспечивает....

– Чего, чего? Я не ослышался? – начальственно хохотнул Назаров. – Не, про то, что ты, ефрейтор, являешься записным и идейным «ходоком», я, понятное дело, в курсе. Командир, как-никак. И в Ставрополе – в полковой «учебке» – за тобой была отмечена данная ярко-выраженная тенденция. И на базе, в Махачкале, ты, герой вшивый, был замечен в подвигах романтических. Дело-то понятное и даже – в определённом смысле – полезное.... Но, пардон, здесь?

Действительно, у старшего лейтенанта имелся достойный повод для удивления. Взвод связи, состоявший под его командой, временно квартировал на северо-западном, «федеральном» речном берегу.

Взвод? Не смешите, право. Это до Перестройки они бы-

ли – полноценные взвода, состоявшие из трёх (а иногда даже из четырёх!), полнокровных отделений. А в данный конкретный момент? Шестнадцать сопливых пацанов, включая надёжного и многократно проверенного Борченко. Не густо, как ни крути...

Взвод располагался в откровенно-неудобном – с точки зрения военной тактики и стратегии – месте. То бишь, на ограниченном – в оперативном пространстве – пятачке.

На юге имела место быть бурная и своенравная Река, на противоположном берегу которой и располагались вражеские – в потенциальном плане – силы. С севера же поджимали высокие и неприступные скалы.

Задачи взвода, поставленные Командованием? Ничего хитрого и оригинального. Обустроить стационарный лагерь на вышеозначенном пяточке и ждать. Долго и целенаправленно – ждать...

Чего, собственно, ждать? Момента, когда из чёрно-бурых скал высунется сверло горнопроходческого бура.

– И кому, Игорь Игоревич, всё это надо? – надоедливо ворчал Борченко, усердно помешивая – гладко-оструганной самшитовой дощечкой – густое пахучее варево, лениво кипевшее в стандартном армейском котелке, подвешенном над догорающим костерком. – Какие, мать его, дырки в скалах? Мол, потом по ним проложат некие секретные кабеля связи.... Какие, к нехорошей маме, кабели? Или же – кабеля?

– Обычные – кобеля, – хмыкал в ответ Назаров. – Тебе

ли, кобелине позорной, не знать про это? Кобеля вы, мои – кобеля. Душу всю – растерзали поэту. Кобеля – как весной тополя. И я, милая, знаю про это...

– Гы-гы-гы!

– Отставить!

– Есть, отставить!

– Вот, то-то же.... Последние сводки с полей?

– Цветут, растут и пахнут. Так пахнут, что голова – порой – кругом идёт...

– Отставить! По делу, ефрейтор, докладывай.

– Есть, доложить по делу! – дисциплинированно вытянулся в струнку Иван. – С самого раннего утра на противоположном речном берегу наблюдается некое подозрительное шевеление. Суется что-то чечены. Как бы, блин, не того...

– Ерунда, – вальяжно отмахнулся старший лейтенант. – Перемирие прочное. Что называется, на века. Генерал-лейтенант Гусев – это вам не портянка заскорузлая, прошлогодняя...

– Вью! – просвистело над головами. – Бух!

– Вью! Бух!

Мины, выпущенные из армейского миномёта, ложились чуть правее от их светло-бежевых палаток, замаскированных тёмно-зелёной профильной сетью, утыканной бурыми кусками лохматой ткани.

– Взвод! Занять оборону! – нащупывая ладонью автомат, прислонённый к кусту боярышника, надсадно проорал На-

заров. – Рассредоточиться по периметру! Без моей команды не стрелять! Ефрейтор Борченко!

– Я!

– Доложить обстановку!

– Есть! – прыник к окулярам бинокля Иван. – На речном берегу наблюдаю порядка десяти надувных тёмно-зелёных лодок, вытщенных на отмель. Более пятидесяти бойцов в камуфляже занимают позиции. Там же выставлен и армейский миномёт. Визуально – Р-12. Заряжают...

– Вью! Бух!

Правая палатка разлетелась в клочья.

– Суки позорные, – поморщился старший лейтенант. – Петров и Чеванава, похоже, так и не успели выбраться из палатки... Настраивай, Иван, рацию. Мать их всех...

– Вью! Бух!

Этого быть не могло. Никогда и ни при каких обстоятельствах. О чём им и сообщил полковник Свиридов, находившийся на промежуточной базе, расквартированной на окраине станицы Ново-Русская.

– Оставить, панику! – велел далёкий и мужественный голос полковника. – На провокации не отвечать! Ответного огня не открывать! Всё ясно, старший лейтенант?

– Так точно! – дежурно отреагировал Назаров. – Как скажете...

– Не понял! – взъярился Свиридов. – Какие, в конскую

задницу, сомнения? Выполнять, старший лейтенант! Если, понятное дело, погоны не жмут...

– Есть, выполнять! Есть, отставить сомнения!

– Вью! Бух!

И от двух центральных палаток не осталось и следа.

– Они рассредоточились цепью и начали перемещаться в нашу сторону, – доставая из наплечной сумки гранату, доложил ефрейтор.

– Взвод! Слушай мою команду! – прокричал Назаров. – Принять бой! Действовать – по обстановке! Патроны и гранаты – беречь!

Минут через десять, встретив активное сопротивление, чечены отошли обратно, к речному берегу.

– Три трупа и четверо раненых, – доложил Борченко. – Не считая, понятное дело, Петрова и Чеванаву.

– Нормально, держимся. Настраивай рацию...

– Внимание, внимание! – известил хриплый голос, многократно усиленный мощным мегафоном. – Русские солдаты, сдавайтесь! Сопротивление бессмысленно! Вас ждёт горячий чай, сытный плов и наше радушие. Гы-гы-гы! Повторяю. Русские солдаты, сдавайтесь! Сопротивление бессмысленно! Вас ждёт горячий чай, сытный плов...

– Сдавайтесь, старший лейтенант, – подтвердил по рации полковник Свиридов. – Руководству не нужны прецеденты, провоцирующие активные боевые действия. А вас, бойцы, мы не бросим. Есть – под рукой – опытные диплома-

ты. Опять же, по личному приказу Президента Бориса Ёлкина создана мощная команда «переговорщиков». Сдавайтесь, ребятушки. И пусть вам поможет Бог...

– Пшёлты! – разбивая рацию мощным ударом каблука, отреагировал Назаров. – Хрен тебе, морда сытая и лощёная, а не «сдавайтесь»! Меня старенький дедушка, ветеран многих войн, не так поймёт.... Взвод! Слушай мою команду! Драться – до последнего патрона! Твою мать! И пусть нам поможет – Бог...

Бой возобновился. Возобновился «с новой силой», как принято говорить в современных романах о войне?

Нет, конечно же. Так, вялотекущие перестрелки и локальные попытки пойти в обход. Не более того. Прагматизм, он уже стал характерной чертой всех жителей нашей древней планеты. Все – без единого исключения – хотят добиться победы малой кровью. Если, понятное дело, не буден спущен Сверху однозначный строгий приказ, мол: – «Победа нужна прямо сейчас. Любой ценой. Патрон и людских ресурсов – не жалеть...».

Через полтора часа в живых – с русской стороны – оставались только Назаров и Борченко. Так, вот, получилось. Реальный бой, это вам не шутки уродца Евгения Петросяна. Совсем даже не шутки...

Через Реку следовал мощный плот, на брёвнах которого располагалась установка «Град».

– Получается, Игорь Игоревич, что скоро распрощаем-

ся? – умело перевязывая правое, простреленное навылет плечо старшего лейтенанта, спросил Иван. – Типа – героически помрём за родимую Россию? За шикарные прокурорские, депутатские и генеральские дачи, разбросанные по всей необъятной стране?

– Наверное, так, – морщась от боли, согласился Назаров. – Помрём, ясная табачная лавочка. Защищая хрен знает что.... Стоп! Слышишь?

– Ага. Гудит...

Из-за северных островерхих скал неожиданно вынырнули два чёрных вертолёт.

– Симпатичные такие..., – зачарованно пробормотал ефрейтор. – Хищные и эстетичные – до полного офигения... «Чёрные Акулы». Это вам не тёщин наваристый плов, сваренный в родовом казане из мослов тощих горных баранов. Твою мать...

– Брым! Дых! Ту-ту-ту! – незамедлительно запели вертолётные пушки и пулемёты. – Вжиг! Вжиг! – дружно подхватили ракеты класса «воздух-земля». – Бух! Бух! Бух!

– Трындец пришёл чеченам, – через пару минут констатировал Назаров. – И плот – вместе с «Градом» – затонул. Бывает, блин. Типа – ничего личного. Война...

Одна из «Акул», заложив широкий круг, пошла на снижение.

Через несколько минут вертолёт приземлился – ровно на том месте, где ещё утром стояли четыре светло-бежевых ар-

мейских палатки.

– Колёсики в крови запачкают, – расстроено покачал головой Борченко. – Непорядок, однако...

Вертолётная дверца распахнулась, и из неё показался майор Хрусталёв, личность – в Ограниченном Контингенте – весьма известная. Одни болтали, что, мол, майор – на самом деле – служит в ГРУ. Причём, в звании полковника. Другие настойчиво говорили о ФСБ...

За Хрусталёвым – по короткой откидной лесенке – спустились три бойца в стандартной буро-серой камуфляжной форме, с чёрными шлем-масками на головах.

– Как дела? – подойдя, поинтересовался майор. – Лежите, родные, можете не вставать. Про себя докладывайте. Про трупы не стоит. Я их всех сверху видел.... Итак?

– Плечо прострелено, – сообщил Назаров. – Навылет. Ерунда. Заживёт. Ещё левую икру – по касательной – задело. Кровь через кромку сапога переливается.

– Понятное дело. Бывает.... Ефрейтор?

– Две пули сидят в ляжках, – отрапортовал Борченко. – По одной в каждой. Вы только не подумайте, что, мол, я убегал...

– Отставить!

– Есть, отставить!

– Я, собственно, никогда не думаю, – язвительно усмехнулся Хрусталёв. – То бишь, сперва делаю, а уже после этого думаю. Тактика такая, предназначенная для окончатель-

ного запутывания подлого противника.... Прапорщик Ванавара! – обратился к одному из «камуфляжников».

– Я!

– Головка – от секретного комплекса «Булава».

– Так точно!

– Молодец. Одобряю. Раненых перевязать. Загрузить в вертолёт. На всё даётся три с половиной минуты. Выполнять! Время пошло...

– Есть, выполнять!

– Сергей Сергеевич! – обратился Назаров. – Можно – вопрос?

– Можно, старлей. Задавай.

– Вы прилетели.... То есть, был приказ – о начале активных боевых действий?

– Не было никакого приказа, – тяжело вздохнув, признался Хрусталёв. – Это я немного хулиганю. По личной инициативе, так сказать. Погоны, скорее всего, сорвут к нехорошей маме. Да и хрен-то с ними...

– Майор! – напомнил о себе прапорщик Ванавара. – А с трупами-то что делать? В вертолёт, ясная Государственная Дума, не поместятся. Хоронить – времени нет...

– Пусть здесь лежат. Типа – дышат свежим горным воздухом.... Я не понял! Что ещё за гнилой штатский базар? До взлёта две минуты осталось. Работаем, мать вашу...

«Чёрна Акула» взлетела и, элегантно огибая островерхие

скалы, устремилась на северо-запад, к станции Ново-Русская. Второй вертолёт послушно следовал рядом, находясь чуть правее и выше.

Майор Хрусталёв, вольготно развалиясь в кресле второго пилота, тихонько напевал:

В небе солнечном и светлом,
Путь свой держат – облака.
Вдаль уходят – незаметно.
И походка их – легка...

Вдаль уходят – словно Боги,
Босоноги и легки.
Безо всяческой – дороги,
Безо всяческой – любви...

Без любви, и без надежды,
Без сомнений и причуд.
Ветерок – слепой и нежный,
Нарисует – их маршрут...

Нарисует, как и прежде,
Всем тайфунам – вопреки.
В край – безудержной – надежды,
В край – немыслимой – любви...

У меня – одна граната.
Да патронов – полрожка.

Знать, и мне пора, ребята,
Уходить – на облака...

И уйду, хоть прожил мало,
Без особенных затей.
Ждёт меня там – Че Гевара,
Миллион – других друзей...

Тех друзей, что без дороги
Вдаль – безвременно – ушли.
Одинокие – как Боги,
В край надежды и любви...

Одинокие – как Боги,
В край надежды и любви...

В небе – солнечном и светлом,
Путь свой держат – облака.
Вдаль уходят – незаметно.
И походка их – легка...

В небе – солнечном и светлом...
И походка их – легка...

Глава первая

Протокол и вице-губернатор

– Значится так, уважаемый. Будем протокол составлять. Вчера вы, без видимых на то веских причин, избили четверых жителей нашей мирной деревни. Да и пацанам-дачникам – от вас, опять-таки – досталось по полной программе. В чём причина такого неадекватного и социально-неправильного поведения?

– Они – при моей жене – матом ругались, товарищ капитан.

– Да и не товарищ я, по временам нынешним. Да и не господин. Вы ко мне проще обращайтесь – «капитан полиции Борченко». Если, конечно, нетрудно.... Так, значится, матом ругались?

– Так точно, матом.

– И только за это вы – их?

– Только – за это. Причём, и не сильно совсем бил. Так, процентов на десять от имеющего потенциала.

– А сами-то, что? Матом – вовсе – не ругаетесь?

– Ругаюсь, конечно, когда нахожусь среди мужиков. А, так, и нет совсем. Когда же при моей жене матерятся, то, извините, ничего с собой поделывать не могу, рука – сама по себе – заезжает в табло говорящему. Да и остальные руки-ноги –

следом. Вот, как бы так оно. Виноват, конечно. Исправлюсь. Ясный месяц над мирным чеченским аулом...

– Да, дела-делишки.... А меня вы, майор, помните? Тогда – в Чечне, на берегу Реки? Взвод связистов старшего лейтенанта Назарова? Ефрейтор Борченко? Ну, я ещё смешное ранение получил – по пуле в каждую ляжку? Ну, да, ну, да, конечно. Понимаю.... Таких – под вашим началом – человек шестьсот-семьсот состояло. И все – на одно лицо. В том смысле, что бритые на лысо, со смешными торчащими ушами.... А я вас – всё это время – помню. Хорошо тогда вы нас учили. На совесть. Многие даже выжили потом. Не все, понятное дело. Бывает.... И жену вашу хорошо помню. В вашу комнату один раз заходил, когда дневал, на «учебке» ещё. На стенке её фотка висела. Очень красивая женщина. Очень.... Да, при такой – нельзя материться, вовсе. Правильно вы вчера тех козлов жизни поучили. Однозначно-полезное и нужное дело.... Ладно, подписывайте протокол.

– Подписал. А, что дальше?

– В камеру пожалуйста, товарищ майор. Завтра с утра состоится суд. Там и с супругой увидите, поговорите. Впяют, в баню по субботам не ходи, пятнадцать суток. Иначе, увы, не получится. Указание пришло из Москвы, мол, завернуть – на бытовом уровне – гайки.

– Это правильно, – одобрил Хрусталёв. – Бардак в стране полный и качественный. Давно уже пора навести элементарный порядок. Только, вот, снизу ли надо начинать? Может,

стоит – сугубо для пользы дела – по Верхам пробежаться? Типа – там подчистить немного? Чтобы подать-показать грамотный пример всем другим уровням?

– Столице виднее, – грустно усмехнулся Борченко. – Как скажут, так и будет... Майор, у меня маленькая просьба.

– Давай, ефрейтор, прости, капитан, излагай. Постараюсь выполнить. Не вопрос.

– В камере изолятора разные... э-э-э, люди находятся. Не все адекватные и положительные. М-м-м...

– Не стоит ходить кругами, – понимающе улыбнувшись, посоветовал Хрусталёв. – Говори толком, бывший сослуживец.

– Не надо никого убивать и калечить, – хмуро глядя в пол, попросил Борченко. – У меня с показателями, и без того, полная труба.

– Хорошо, не буду. Постараюсь обойтись малой кровью, без существенного членовредительства.... Кстати, ефрейтор. А, что слышно о младшем лейтенанте Назарове?

– Игорь Игоревич, нынче, большой и важный человек. В ФСБ трудится, в звании полковника. Возглавляет «Департамент по борьбе с экстремизмом». Говорят, что скоро станет генералом...

Хрусталёва увели. Капитан Борченко, тяжело вздохнув, включил телевизор. По Первому каналу выступал Президент России – Дмитрий Владимирович Зайцев. Грамотно так выступал – солидно, актуально и вдумчиво.

Президент вольготно восседал в высоком кожаном кресле, так сказать, во главе угла. А по обеим сторонам длинного стола, оснащённого нарядной палисандровой столешницей, располагалось порядка двух десятков женщин и мужчин. Важных таких. Упакованных, славных и краснощёких. Со счастливыми искорками в карих еврейских глазах.

Мужчины и женщины, понимающе переглядываясь между собой, что-то старательно записывали – «Паркерами» с золотыми перьями – в своих разномастных блокнотах.

Президент, коротко откашлявшись, объявил:

– Господа, вижу, что здесь собралась российская элита! Соль земли русской! Я надеюсь на вас! Тем более – в условиях глобального мирового финансового кризиса. Спасибо за аплодисменты. Достаточно.... Теперь о неприятном. Совершенно недопустимо, что даже в такой тяжёлой для страны ситуации находятся люди.... Да, что там, преступники! Хамы, позволяющие себе зарабатывать – «на освоении» государственного бюджета. Мне тут доложили, что российские чиновники получают откаты практически за всё. Даже за договора на ремонты школ и детских садиков. Не говоря уже об установках светофоров и проведении любого, мало-мальски значимого праздника.... Не, я такого не могу позволить, ёлы-палы! Эти присосавшиеся к бюджету – позор для нашей великой и могучей страны...

«Присосавшиеся», стыдливо склоняя головы, что-то усердно строчили в разномастных блокнотах.

– Тьфу, ты, мать его! – в сердцах выругался Борченко и выключил телевизор. – Клоуны несмешные и гниlostные. Уже лет восемь-десять подряд одно и то же болтают. Слов много, а конкретных дел – полный ноль. Доиграются, блин горелый, до очередной Революции. Тем более что 2017-ый знаковый год на дворе...

Камера изолятора временного содержания напоминала – своими геометрическими параметрами – школьный пенал. То есть, была длинной и очень узкой, пятнадцать метров на три с половиной.

Вдоль правой стены были выставлены в ряд двухэтажные обшарпанные нары. В дальнем торце помещения наблюдалась светло-бежевая старенькая ширма. Бетонный пол был загажен и заплёван донельзя. Ну, и воняло – не приведи Бог.

«Обычный зачуханный гадюшник», – мысленно усмехнулся Сергей. – «Впрочем, здесь ещё ничего, жить можно. К примеру, в никарагуанской тюрьме было многократно хуже. Духота страшная. Плюс сорок пять, причём, при отсутствии кондиционера. Буро-коричневая вода на стенах. По полу безостановочно сновали – туда-сюда – серо-чёрные крысы и рыжие тропические тараканы. Б-р-р-р! Как вспомню, так вздрогну...».

На срединных нарах, испуганно вздрагивая, сидела троица молоденьких – лет по пятнадцать-семнадцать – парнишек. А рядом с нарами гнусно пересмеивались две мрачные при-

блатнённые личности. Один – тот, что пониже – был обрит на лысо и обнажён по пояс. Мускулистый торс лысого арестанта был густо испещрён тёмно-синими татуировками. Второй деятель был худ, костист и усат.

– О, ещё один потенциальный петушок прибыл! – обрадовался усатый. – Ты же, Костян, не любишь малолеток? Типа – предпочитаешь взрослых дяденек?

– Предпочитаю, – насмешливо и похотливо оскалился лысый. – Ты, Сизый, угадал, – начальственно подмигнул Сергею: – Как зовут тебя, земля сексуальная?

Хрусталёв не стал тратить время на пустые разговоры. Молча – кошачьей походкой – он подошёл к живописной парочке. Удар, пирует, удар. Правка ребром ладони.

Пристроив два неподвижных тела на ближайших к входной двери нарам, Сергей подошёл к пацанам и представился:

– Хрусталёв Сергей Сергеевич. Можете именовать меня – «дядей Серёжей».

– Егор, Мишка, Артём, – вразной откликнулись мальчишки.

– А ты, дяде Серёжа, не перестарался? – уважительно моргая длинными ресницами, спросил белобрысый Егор. – Капитан Борченко будет сердиться...

– Ерунда. Ничего страшного не случилось, – заверил Хрусталёв. – Во-первых, я Борченко знаю уже давно. Помню, как он ефрейтором – много лет тому назад – служил во взводе армейских связистов. А, во-вторых, эти два деятеля скоро

придут в себя. Минут, так, через двадцать-тридцать. Я же их грамотно бил. В щадящем режиме. То бишь, в нужные болевые точки... Когда же эта мерзкая шелупонь придёт в себя, я им популярно объясню – что да как. То бишь, прочитаю краткую, но доходчивую лекцию о правилах хорошего тона. Если не поймут, то ещё добавлю. Причём, на этот раз, уже от всей души.

– Костян и Сизый – люди авторитетные, – боязливо пожимая плечами, сообщил конопатый Мишка. Они всю нашу Ольховку держат в страхе.

– В страхе? И вы, добры молодцы, это терпите?

– А, что можно сделать? Они, вон, какие здоровенные. Да и с ножами всегда ходят. Не пистолет же покупать в городе? Это и дорого, и ненадёжно. Могут – запросто – продать уже «засвеченный» ствол. Отмывайся потом до самого морковкиного заговенья...

– Зачем – пистолет? – высокомерно хмыкнул Сергей. – Достаточно и рогатки.

– Какой ещё рогатки? – уточнил Егор.

– Обыкновенной, армейской. Такими оснащают диверсионные группы и штурмовые команды. Очень полезная и действенная штукавина. Прицельно бьёт метров с пятидесяти-семидесяти. Причём, железными тяжёлыми шариками. Если потренироваться, то и глаз фигуранту можно – с одного выстрела – выбить.

– Ты, дядя Серёжа, шутишь?

– Очень надо, – обиделся Хрусталёв. – Поставить на место зарвавшуюся сволочь – дело святое, благородное и шутками не пахнущее.... А вы, пацаны, за что попали сюда? Небось, мелкое хулиганство?

– Не, мы люди мирные, – по-доброму улыбнулся толстощёкий Артём. – Наоборот, пострадали, так сказать, за правду.

– За правду? Ну-ка, рассказывайте, орлы деревенские. Послушаю. Егорка, излагай. У тебя язык хорошо подвешен.

– Это точно, – согласился белобрысый мальчишка. – Поболтать я, действительно, люблю.... Значится так. Три с половиной года назад в нашей Ольховке купил земельный участок, расположенный на берегу Зеркального озера, Павел Фёдорович Сергеев.

– Вице-губернатор Санкт-Петербурга? – удивился Сергей. – Ничего себе, ёшки-матрёшки!

– Он самый, дядя Серёжа. Отвечает, кажется, за капитальное строительство и за ЖКХ.

– Ну-ну, продолжай.

– Короче говоря, у нас на Зеркальном озере был оборудован деревенский пляж. Ещё мой батяня купался на нём. Там и с мамкой моей познакомился.... Участок Сергеева, размером в тридцать две сотки, расположен выше, на холме, над пляжем. Сперва-то всё шло нормально. Вице-губернатор установил на участке пару вагончиков для рабочих и нанял полтора десятка строителей из Белоруссии. Трудолюбив-

вые белорусы за полтора года отгрохали шикарные трёхэтажные хоромы. Причём, из серии – «мама не горюй». Даже мраморные колонны имеются вдоль фасада. Понятное дело, что и баньку с пятнадцатиметровым бассейном выстроили, и садовую беседку возвели, и зимнюю отапливаемую оранжерею, и просторный гараж на четыре машины... Интересно, откуда у Павла Фёдоровича столько деньжищ? Неужели, у всех вице-губернаторов такие высокие зарплаты?

– Не забивай себе голову всякой ерундой, – посоветовал Хрусталёв. – Рассказывай по делу. Не отвлекайся.

– Как скажете, – обиженно засопел Егорка. – Итак, дом вице-губернатора по весне достроили. На участке заложили самый настоящий сад с высокими взрослыми деревьями и кустами. Разбили несколько больших цветочных клумб – розы там, гладиолусы, пионы. Даже газон привезли, свёрнутый в несколько рулонов. Чудеса в решете, так его и растак. Потом всё это роскошество огородили высоченным забором... Приехал Сергеев, принял работу, рассчитался со строителями, огляделся по сторонам и решил, что, мол, слегка тесновато. Да и наглая молодёжь постоянно шумит на пляже, мешает полноценно отдыхать. Тогда сообразительный вице-губернатор пошёл в Правление и о чём-то договорился с нашими чиновниками... Через пару дней мы с пацанами и девочками решили сходить на пляж – поиграть в волейбол, купаться-то рановато было, весенняя вода не успела ещё толком прогреться. Притопали, а к пляжу не пройти. Губерна-

торский забор – с двух сторон – спускается прямо к воде. И даже на пару метров заходит в озеро. . . Мы, естественно, начали шуметь и возмущаться. Да, куда там. Ворота распахнулись, и со двора вышли два здоровенных охранника, ведущие на длинных поводках злобных немецких овчарок. Прогнали нас, короче говоря. Более того, пообещали ментов наравить. То есть, полицейских. Мол, всё оформлено по закону, а мы являемся сопливой шпаной, не уважающей частную собственность.

– Но продвинутая деревенская молодёжь, естественно, не угомонилась, – прозорливо предположил Хрусталёв. – Мол, Интернет является великой, могучей и непобедимой силой. . .

– Это точно! – с удовольствием подключился к разговору щекастый Артём. – Мы, как и полагается, всё засняли на мобильные телефоны, склепали пятиминутный информационный ролик и разместили его в Интернете. Шум поднялся. В Ольховку тут же примчались телевизионщики и через пару дней показали по Второму каналу соответствующий скандальный сюжет. После этого и взрослые, поверив в возможное торжество справедливости, подключились. Создали инициативную группу. Главной, понятное дело, Алька Ветрова заделалась.

– Не Алька, а Алина. Она же – Алевтина, – нахмурившись, поправил приятеля Егор. – Это моя родная сеструха, – пояснил для Хрусталёва. – Она и заявление в суд подала. Напи-

сала и отвезла в город. Мол, так и так, спасите от чиновничьего произвола и остановите разгул коррупции...

– И, как оно – в плане конкретных результатов?

– Почти два года судились. Суд, вроде бы, выиграли. А толку-то? Всё равно, мы остались без пляжа.

– Как же так? – удивился Сергей.

– Вот, так, – по-взрослому вздохнул Егор. – Павел Фёдорович, будучи человеком законопослушным, забор перенёс вверх по склону холма. Но сейчас на месте старого забора выкопаны две глубокие и широкие канавы. Мол, обыкновенные мелиорационные мероприятия, на которые и Проект имеется, согласованный со всеми инстанциями.... Сам же пляж, включая его подводную часть, рабочие засыпали битым стеклом. Чтобы деревенская молодёжь и шумные дачники не мешали отдыхать уважаемому человеку. Сиречь, мужу государственному. Причём, члену Регионального политсовета партии «Могучая Россия».... По этому поводу вчера, рядом с усадьбой Сергеева, и состоялся митинг, несанкционированный Властями. Собралось человек триста пятьдесят. Начали речи гневные толкать, орать истошно, улюлюкать. Кто-то и пару тяжёлых булыжников бросил-метнул через высокий забор вице-губернатора. Полиция, понятное дело, появилась откуда-то.... Вот, нас троих и замели. Мол, подвернулись под горячую руку. Как же без «стрелочников»? И Алинку с подружкой арестовали. Они сидят в соседней камере. Капитан Борченко сказал, что все мы получим по пят-

надцать суток. Мол, уже не отвертеться. Такие дела, дядя Серёжа...

– Хреновые дела, – подвёл черту Хрусталёв. – Нечестные, подлые и несправедливые. Наказывать надо таких уродов законченных, как этот Павел Фёдорович.

– Как же его накажешь? – непонимающе шмыгнул конопатым носом Мишка. – Он же, как-никак, вице-губернатор. Опять же, постоянно окружён вооружёнными охранниками. А весь забор утыкан камерами видеонаблюдения.

– Надо обратиться за помощью к «Народной Воле». Так собрались ребята суровые и реальные. Разберутся с Сергеевым – на раз. Без особых проблем и дополнительных вопросов.

– Ну, «Народная воля»..., – пессимистично протянул Артём. – Они такие законспирированные. Попробуй, выйди на них.... Да и опасное это дело, как ни крути. Говорят, что за ними все спецслужбы гоняются, включая знаменитый Интерпол. Узнают, что мы ищем выход на «народовольцев», арестуют и посадят.

– Гоняются, – подтвердил Хрусталёв. – Причём, действительно, все.... Ладно, будем надеяться на то, что «Народная Воля» сама узнает о проблемах Ольховки. Узнает и, соответственно, поможет.

– Дядя Серёжа, а чем «Народная воля» отличается от обычных экстремистов? – спросил любопытный Егор. – Например, от бритоголовых скинхедов?

– Чем? Идеологией, ясный сосновый пенёк. Националисты – и все иже с ними – разделяют людей по цвету кожи, разрезу глаз и религиозным пристрастиям. Что, безусловно, играет на руку Власть предержавшим и богатым...

– Почему – играет на руку?

– Ну, как же, – усмехнулся Сергей. – Общеизвестно, что именно молодёжь является самой реальной движущей силой, способной ниспровергать прогнившие ценности и изменять общественный строй. А, что мы имеем в современной России? Славянская молодёжь занята регулярными разборками с мусульманскими сверстниками. Те же, в свою очередь, враждуют с русскими ребятами. Все, короче говоря, при деле. Высокопоставленные ворюги могут спать спокойно, молодёжи не до них. Не исключаю того, что нынешние Власти сознательно и целенаправленно разжигают межнациональную рознь. Дабы молодёжь – всех национальностей и вероисповеданий – объединившись, не переключилась на современных российских богатеев, две трети из которых являются государственными чиновниками всех уровней и мастей.... Понятно излагаю?

– Понятно! – хором ответили подростки.

– А «Народная Воля», как раз, разделяет людей на честных, воров и маргиналов. Если человек живёт не по средствам, то он является вором. Следовательно, должен понимать, что над ним навис «дамоклов меч». То есть, его могут убить в любой момент. Одна из основных целей «Народной

Воли» – физическое уничтожение наиболее одиозных коррупционеров и воров. Дабы у других бесчестных и нахрапистых деятелей появилось неизгладимое и устойчивое желание – исправиться и встать на честный путь. Если, конечно, им жизнь дорога.... Нет, пацаны, других вариантов. Слишком далеко в нашей России-матушке всё зашло. Воруют все и вся. По поводу и без. Причём, и работники силовых ведомств, и прокуроры, и федеральные министры. Пора прикрывать эту лавочку...

– Давно пора, – согласился белобрысый Егор. – А, маргиналы? Что это за гуси – в понимании «Народной воли»?

– Это такие деятели, типа – ваших Костяна и Сизого. Они уже не мыслят жизни без криминала. Совершили преступление. Получили незначительный срок. Сейчас даже за убийство иногда дают лет по пять-шесть. Блин горелый. А за изнасилование – года три-четыре. Суки демократические, либеральные и мягкотелые.... Потом наши маргиналы условно-досрочно освободились. Взялись за старое, третируя и грабя нормальных людей. Далее – строго по кругу: совершили преступление, сели, условно-досрочно освободились, взяли за старое.... Поэтому «Народная Воля» и решила, не ведая жалости, физически уничтожать злостных рецидивистов. Разработана даже некая специальная криминальная шкала. Ну, это как раньше в ГАИ – система «штрафных баллов». Мол, если набрал определённое количество «баллов», то лишаешься прав на вождение автомобиля. Здесь, братцы,

то же самое. Только речь идёт о жизни и смерти.... Как оно вам?

– Стрёмно, однако, – отчаянно лохматя ладонью рыжие волосы, признался Мишка. – Это же сколько народу надо перебить-перестрелять? И вороватых чиновников, и злостных уголовников?

– Много, – тяжело вздохнул Хрусталёв. – Но, похоже, что другого пути нет. Если, конечно, вы не хотите, чтобы Россия деградировала окончательно. Вплоть до распада на отдельные составные части.... Да, чуть не забыл. Есть же ещё так называемая «золотая молодёжь». Их тоже надо – регулярно и всенепременно – ставить на место. Типа – безнаказанность порождает Зло. Настоящее такое, взрослое, с «большой» буквы...

Сергей Сергеевич Хрусталёв в «Народной Воле» возглавлял боевое подразделение «СК». То бишь, «Смерть Коррупционерам». А в Ольховку он прибыл на разведку. Фигура вице-губернатора Сергеева уже давно привлекала пристальное внимание «народовольцев».

Неделю назад досе на Павла Фёдоровича было окончательно собрано. Состоялся заочный суд. Был вынесен приговор.

– Да, виноват. Ввязался в дурацкую драку, – тихонько пробормотал Сергей. – Ладно, ничего страшного. Пятнадцать суток? Ерунда, отсижу. Пацанов, между делом, направлю на

путь истинный. Глядишь, удастся создать в Ольховке полноценную «народовольческую» ячейку...

Глава вторая

Дедушкина внучка

– В этом году – по вышеупомянутой статье расходов российского бюджета – мы истратим в два раза больше финансовых средств, чем в году ушедшем, – состроив важную физиономию, пафосно объявил Президент Зайцев.

Зал взорвался бурными аплодисментами....

– Конечно же – истратим, – выключая телевизор, язвительно проворчал Иван Иванович Ветров, военный пенсионер из деревни Ольховка, Ленинградской области. – «Истратим» – любимое слово нашей сладкой руководящей парочки. А с их лёгкой руки и другие начальники – рангом пониже – теперь постоянно балуются этим гадким словечком.... Истратим. Щедрые откаты получим. Взносы заплатим – партии «Могучая Россия».... Алина!

– Чего тебе, дедуль? – поинтересовался из кухни звонкий девичий голосок.

– Подойди, внучка, на пару слов, – попросил старик. – Разговор имеется. Важный.

Тихонько проскрипели старенькие половицы, и в комнату вошла девчушка – невысокая, светленькая, курносая, сероглазая, слегка растрёпанная, лет двадцать с небольшим от роду.

– Почему ты улыбаешься? – встревожилась Аля. – Я, выгребая из печки золу, перемазалась? Где конкретно? Щёки? Лоб?

– Нет, всё нормально, – успокоил Иван Иванович. – Просто...

– Да, что такое?

– Вот, смотрю на тебя, внуча, и – в очередной раз – не устаю удивляться. Вроде, ничего особенного. Глаза – как глаза. Нос – как нос. Да и фигурой ты совершенно не похожа на фотомодель.... А общий облик, при этом, очень даже симпатичный и приметный. Миленькая ты у меня – до полной невозможности.

– Прекращай, старый льстец, – засмушалась девушка. – О чём хотел поговорить-то?

– Ни о «чём», а о «ком». Во-первых, о брате твоём, Егоре. Во-вторых, о тебе, красавица сероглазая.

– Хорошо, поговорим. Тебя что-то смущает?

– Очень многое, – признался старик. – Почти месяц прошёл с тех пор, как вы с братом, по-честному отсидев по пятнадцать суток, вышли из каталажки. И, что-то с вами, с обоими, происходит...

– Ты хотел начать с Егора, – напомнила Алина.

– Хорошо, поговорим о Егорушке, – покладисто согласился Иван Иванович. – Серьёзный он нынче какой-то. Всё молчит и молчит. Книги читает всякие и разные, чего уже года три-четыре не наблюдалось. Сорвал со стены все плакаты,

посвящённые зарубежным рок-группам, а на их место повесил портреты Желябова и Перовской. То бишь, лидеров организации «Народная воля», которая действовала на территории царской России в конце девятнадцатого века.... К чему бы это, внуча?

– Ну, не знаю, право.... Может, и ничего страшного. Егор всегда, ещё с детских лет, интересовался историей. Кроме того, он – по окончании средней школы – хочет поступать в Санкт-Петербургский Университет. Причём, как раз, на исторический факультет.

– Ты сама-то себе веришь?

– Более или менее, – девушка смущённо отвела глаза в сторону. – Стараюсь, по крайней мере...

– Вот, и я про то же, – нахмурился старик. – Говорят, что вместе с вами пятнадцать суток отбывал Серёга Хрусталёв?

– Было дело. Совместно трудились на строительстве нового комплекса по консервированию овощей и фруктов. Плы циклевали, стены штукатурили, потолки белили.

– Ну, и как он тебе?

– Нормальный мужик, – мечтательно улыбнулась Алевтина. – Побольше бы таких.... Ты, дедуль, только не подумай ничего такого. У Сергея Сергеевича имеется обожаемая и горячо-любимая жена. Так что, мои шансы являются нулевыми.... Получается, что ты знаешь Хрусталёва? Знаком с ним?

– Только шапочно. Пересекались – много-много лет то-

му назад – по делам армейским. Не более того. Мы служили по разным ведомствам. Я командовал артиллерийско-ракетным дивизионом, а Серёга в ГРУ тянул ляжку. Что-то там связанное с диверсионно-разведывательной деятельностью. Но уже тогда у Хрусталёва был...м-м-м, специфический и непростой имидж.

– Какой, если не секрет?

– Тут в двух словах не скажешь, – поморщился Иван Иванович. – Неординарный, честное слово, случай....

– А ты, дедуля, всё же, попробуй объяснить. Вдруг, пойму?

– Ладно, уговорила.... Хрусталёва считали честным, решительным и справедливым человеком. Но – при этом – и очень жёстким. Способным на...э-э-э...

– Способным на нестандартные, авантюрные и кардинальные поступки? – пришла на помощь Аля.

– Это точно. Даже вопреки строгим приказам вышестоящих персон.... Осторожнее надо быть с Серёгой. Как бы он, морда отвязанная и решительная, не вовлёл бы вас с Егоркой во всякие сомнительные истории. С него, бродяги, станется.

– Ты ещё хотел и про меня поговорить. Небось, я сейчас опять услышу «старые песни о главном»?

– Услышишь, внуча. Обязательно услышишь.... Замуж тебе уже давно пора. Я же, если ты помнишь, тебе не только дедом прихожусь. Но, в определённом смысле, и отцом. Пусть, и престарелым...

Это было правдой. Родители Алевтины и Егора погибли одиннадцать лет тому назад. Обыкновенная и банальная автокатастрофа. Навороченный джип, за рулём которого сидел мордатый помощник областного депутата, подрезал тяжело-гружённую фуру. Фура – с перепугу – выехала на встречную полосу и подмяла-раздавила всмятку старенькие «Жигули», в которых находились супруги Ветровы. Они погибли почти мгновенно...

Депутатский помощник, понятное дело, вышел сухим из воды. А Иван Иванович, служивший тогда в звании генерал-лейтенанта, вышел в отставку и занялся воспитанием внуков. Его жена, Мария Александровна, умерла раньше, за два года до описанной автокатастрофы.

– Какой же ты престарелый? – возмутилась Алина. – Бодр и весел. На тебя ещё наши деревенские бабы всюю заглядываются.

– Не говори, пожалуйста, глупостей, – попросил Иван Иванович. – Ноги уже плохо ходят. Сердчишко прихватывает регулярно. А, ведь, и с правнуками хотелось бы ещё повозиться.... Чем тебя, внуча, не устраивает Иван Борченко? Нормальный и несуетливый мужик. Ходит за тобой, понимаешь, ходит. А ты всё нос воротишь.... Почему?

– Не люб он мне. Сердце не лежит.

– А, в городе? Неужели и там никого не нашла?

Алина постоянно проживала в Ольховке только летом, а в остальные времена года наезжала в деревню лишь по вы-

ходным. Она училась на четвёртом курсе Финансовой Академии, регулярно подрабатывала в различных аудиторских конторах и – на двоих с подружкой – снимала однокомнатную квартиру на Ржевке. Молодые люди? Были, конечно же. Времена нынче такие, легкомысленные слегка. Но о замужестве и речи не было. Обычное несерьёзное баловство, принятое в молодёжной студенческой среде. Дань общепринятой модели поведения, чтобы не прослыть белой вороной...

– Молчишь? – продолжал настаивать дед. – Ну, молчи, молчи. Упрямая. Знать, в меня пошла...

В дверь вежливо постучали.

– О, капитан пожаловал. Долго жить будет, – оживился Иван Иванович. – Я его, скромника деревенского, по вкрадчивому стуку узнаю.... Проходи, Иван! Гостем будешь!

– Доброго здоровья, Иваныч, – входя в комнату, поздоровался Борченко. – Привет, Алинка!

– И вам, господин капитан, всего хорошего, – вздохнув, негромко откликнулась Аля. – Извините, я пойду на кухню. Картошка закипает...

– Молодая ещё, капризная, – с нежностью глядя вслед внучке, пояснил Ветров. – Ничего. Поумнеет со временем. Обещаю.... Каким ветром занесло, служивый?

– Мне ваш Егор нужен, – хмуро глядя в пол, сообщил капитан. – Не знаешь, Иваныч, где его можно найти?

– Кто его знает. Бегает где-то с самого раннего утра. Вро-

де, с Мишкой и Артёмкой собирались на рыбалку. Скорее всего, на Бобровую реку.... Зачем он тебе? Случилось что?

– Можно, конечно, и так сказать...

– Не крути, капитан! – посуровел взглядом Иван Иванович. – Забыл, что я являюсь генерал-лейтенантом? Пусть, и в отставке?

– Помню, конечно.

– Тогда изволь доложить! Коротко, сжато и доходчиво. Приступай! Внимательно слушаю.

– Есть, доложить! – понимающе улыбнулся Борченко. – Во-первых, два с половиной часа назад были срочно госпитализированы граждане Рябко и Маневич...

– Кто, кто?

– Ну, Сизый и Костян.

– Так бы сразу и сказал. Продолжай.

– Оба получили многочисленные ранения в область головы. Причём, из непонятного оружия. Врач «Скорой помощи» сказал, что какие-то стальные шарики засели у них в черепушках...

– Может, мощная зарубежная пневматика? – предположил опытный Иван Иванович.

– Может, и пневматика. Эксперты потом расскажут.

– А, что с этими гопниками? Живы? И зачем тебе понадобился мой внук? Его, что ли, подозреваешь?

– Не подозреваю, конечно, – стушевался Борченко. – Просто.... Пацаны, они очень наблюдательные и сообразитель-

ные. Многие видят, замечают, знают. Вот, и хотел поговорить, расспросить... Мол, не видел ли чего подозрительно-го? Не слышал ли? Рябко и Маневич? По телефону сказали, мол, состояние средней тяжести. Только у Сизого правый глаз вытек. Теперь кривым будет...

– Это, как я понял, «во-первых». А, что у нас – «во-вторых»?

– Неизвестные злоумышленники обклеили полдеревни дурацкими листовками, – доставая из нагрудного кармана сложенный вчетверо бумажный листок, известил капитан. – Вот, содрал со стены магазина десять минут назад. Прочтите.

– Сейчас прочтём, – разворачивая и разглаживая бумагу, засуетился генерал-лейтенант в отставке. – Сейчас, сейчас... Внуча, принеси мне из кухни «вторые глаза»!

– Держи, дедуля, – входя в комнату и протягивая старику очки, предложила Аля. – А, хочешь, я прочту?

– Прочитай, девочка.

Алевтина, удивлённо покачав головой, приступила к чтению:

– Уважаемые жители деревни Ольховка! Послезавтра, в воскресенье, в 14–00, будет уничтожен дом господина Сергеева П.Ф., вице-губернатора Санкт-Петербурга, известного вора и взяточника, живущего не по средствам. Просьба ко всем! В указанное время к земельному участку, занимаемому господином П.Ф. Сергеевым, близко не подходить! Возможен разлёт осколков.... Кроме того, рекомендуем жите-

лям деревни прикрыть окна ставнями. Ожидается сильная ударная волна.... С уважением и наилучшими пожеланиями, боевая организация – «Народная Воля».... Однако. Сильная бумага.

– Это, ведь, чья-то дурацкая шутка? – с надеждой в голосе спросил Борченко. – Типа – пацаны дурью маются?

– Не думаю, – недоверчиво пожала плечами Алина. – «Народная Воля» не терпит, когда кто-то прикрывается её именем. Строго наказывает, не рассуждая. Я читала в Интернете материалы на эту тему.... Ага, заодно и проверим. «Воля» постоянно вбрасывает в Интернет – с помощью специальных компьютерных программ – особо важную информацию. Сейчас, только компьютер включу. Подождите немного...

Минут через пять-шесть она объявила:

– Никакая это и не шутка. Сразу на трёх уважаемых сайтах размещён текст аналогичного содержания. Всё, земляки, всерьёз.

– Сколько же – в самое ближайшее время – начальства понаедет! – вконец расстроился Борченко. – Не говоря уже про Прокуратуру и спецслужбы.... И куда прикажете селить оперативников? Ох, сорвут с меня погоны и отправят в позорную отставку.

– Разлёт осколков и сильная ударная волна? – задумался Иван Иванович. – Интересное дело. Они, что же, дом вице-губернатора уже заминировали? Или собираются мини-

ровать в присутствии целой толпы силовиков? Вполне возможно, что просто пугают...

– Ну-ну, пугают, – не согласился капитан. – Только за последние полтора месяца «Народная Воля» человек тридцать-сорок отправила на тот Свет. В том числе, двух районных прокуроров, трёх генералов разных ведомств, четырёх «воров в законе» и одного уважаемого сенатора Совета Федерации. Хороши, блин, шуточки. Ладно, пошёл я звонить Руководству. Всех благ, селяне...

Выждав некоторое время, Аля сообщила:

– Схожу я, дедуля, в магазин. Растительного масла надо купить. Да и сахарный песок заканчивается.

– Сходи, внуча, обязательно сходи, – одобрил старик. – Найди шалопаю Егорку, и вели, чтобы домой – от греха подальше – шёл.... Ну, и времена пошли! Уже и не знаешь, чего ждать...

Алина вышла из дома и в нерешительности остановилась.

– И, куда идти? – шёпотом засомневалась девушка. – Супруги Хрусталёвы уехали ещё три дня назад, мол, навалились срочные городские дела.... Где теперь искать Егора и других пацанов? Неужели, это они расклеили по деревне предупреждающие листовки? По указанию Сергея Сергеевича Хрусталёва? Почему же я ничего не знаю про это? Не заслужила доверия? Странно и немного обидно...

Подумав немного, Аля торопливо зашагала к Бобровой

реке, где мальчишки, действительно, могли рыбачить.

Постепенно приближался вечер. Деревенские дома остались далеко позади. Июльское жаркое солнце скрылось в тёмно-фиолетовых грозовых облаках. В воздухе явственно запахло дождём.

Девушка свернула на просёлочную дорогу, ведущую к реке. Вокруг – в преддверии приближавшегося дождя – было очень тихо, только в пыльной траве нежно и успокаивающе стрекотали полевые кузнечики, да в кустах дикого орешника изредка перекликались шустрые зяблики.

Неожиданно из-за поворота выехал массивный чёрный джип. Ещё через несколько секунд машина остановилась.

– Чёрт, только этого и не хватало, – взволнованно пробормотала Алина. – Петька Сергеев, любимый сынок вице-губернатора. Сейчас, законченный наглец и хам, опять начнёт приставать...

Из джипа выбрался лощёный молодой человек с ярко-красными мокрыми губами.

– Привет, красотка деревенская! – широко и радостно улыбнулся Пётр. – Куда торопишься? Может, прокатимся? Выпьем? Повеселимся?

– Пшёл вон, пёс! – презрительно сплюнув под ноги, ответила девушка. – С проститутками стодолларовыми веселись. А я, извини, спешу. Важные дела. Покедова, парниша!

– Постой, милашка. Не получится у тебя – на этот раз – соскочить.

– Почему это?

– Потому.

Сзади послышался визг тормозов.

«Плохи дела», – обернувшись, подумала Аля. – «Со стороны деревни ещё один джип подъехал, только тёмно-синий. Дверцы распахнулись, наружу вылезли два здоровенных типа. Длинноволосые, в чёрных очках, одеты с иголки. ... Хорошо ещё, что я джинсы и кроссовки надела. Бегать в юбке и босоножках было бы несподручно. Ладно, выкарабкаемся...».

– Не кочевряжься, недотрога сельская, – масленным голосом посоветовал Петька. – Не убудет с тебя. Покувыркаемся малость, пупками потрёмся от души. Потом, честное слово даю, отпустим тебя, душеньку, на все четыре стороны. А если понравится, то и с нами оставайся. В качестве общей любовницы...

– Гы-гы-гы! – дружно заржали длиноволосые типы. – Общей, понятное дело.... Гы-гы-гы!

Долго не раздумывая, Алина, раздвинув ладонями придорожный кустарник, сиганула с дороги и – со всех ног – побежала. Сзади загремели-застучали громкие шаги догонявших...

«Лишь бы успеть – добежать до речного берега», – билась в голове одинокая испуганная мысль. – «Брошусь в воду и переберусь через Бобровую речку. Здесь не глубоко, максимум метра полтора, не больше. Эти разодетые молодчики в

реку, скорее всего, не полезут. Шмотки дорогушие поберегут...».

Пробежав метров двести пятьдесят, девушка остановилась и тревожно оглянулась – сзади раздавались странные звуки: отголоски скупых ударов, болезненные стоны и жалобные вскрики.

Стараясь шагать бесшумно, она метров на пятьдесят-семьдесят вернулась назад и осторожно выглянула из-за ствола толстой разлапистой сосны – непонятные люди в пятнистом камуфляже, с чёрными шлем-масками на головах, ловко перетаскивали неподвижные тела сына вице-губернатора и его приятелей по направлению к дороге.

– Что же это такое творится? – прошептала Аля.

– Боевая организация «Народная Воля», – сообщил спокойный мужской голос. – Проходит рядовая операция. Ничего экстраординарного.

Девушка – медленно и плавно – развернулась на сто во семьдесят градусов и удивлённо прищурилась. Она первый раз видела стоящего перед ней высокого парня, одетого в неброский джинсовый костюм, но его облик был ей, определённо, знаком – глаза, нос, брови, осанка, улыбка...

– Алексей Хрусталёв, – представился молодой человек. – Можешь меня «Лёхой» называть.

– Сын Сергея Сергеевича?

– Так точно. Сын. А ты – Алина Ветрова?

– Алина.... Значит, «Народная Воля»?

– Она самая.

– Я так и думала, – улыбнулась Аля. – А, что будет с...

– С «золотой молодёжью»?

– Ага.

– За этими ребятами много чего числится, – помрачнел Лёха. – Люди, сбитые – по пьяной лавочке – машинами. Несколько групповых изнасилований. Причём, двух девушек – после изнасилования – они убили, облили бензином и сожгли. Ну, и элитными наркотиками активно приторговывали.... Парни регулярно влипали во всякие грязные истории, а могущественные и богатые родственники – так же регулярно – их вытаскивали и отмазывали. И тебя, Алина, они не пощадили бы.

– Ну-ну. Поймали одни такие.... Что с ними сделают?

– Ничего особенного. Погрузят в их собственные машины. Отвезут километров на триста-четыреста от Ольховки (хватит уже её засвечивать), и казнят. Заслужили. Каждому, да по делам его.... Жалеешь уродов?

– Ни капли, – усмехнулась девушка. – Почему ты мне всё это рассказываешь? Вдруг, я в пойду в полицию и сдам семейство Хрусталёвых с потрохами?

– Не сдашь.

– Ты в этом уверен?

– У моего папани – глаз-алмаз, – слегка засмущавшись, пояснил Хрусталёв-младший. – Он говорит, что ты настоящая и правильная.... Может, поводишь меня по округе с

обзорной экскурсией? Покажешь местные природные красоты?

– Пошли. Покажу. Грозовые тучи, как раз, пронесло стороной...

Молодые люди бродили по окрестностям Ольховки несколько часов подряд – разговаривали о всяком и разном, много шутили, смеялись и понимающе переглядывались.

Уже на излёте ало-багрового заката, подойдя к дому Ветровых, они замолчали.

– Почему ты так смотришь на меня? – засмушалась девушка.

– Как – так?

– Как будто хочешь позвать замуж.

– Именно это я и собираюсь сделать, – признался Лёха. –

А, ты?

– Что, я?

– Пойдёшь за меня?

– Пойду. И замуж. И, вообще, по жизни.... Поцелуемся?

– Конечно...

Минут через семь-восемь, слегка отстранившись, Аля спросила:

– А, когда мы подадим заявление в ЗАГС?

– Через месяц-полтора.

– Почему так долго?

– Я – прямо сейчас – уезжаю, – тяжело вздохнув, сообщил

Алексей.

– Куда? Зачем? Почему?

– Разве ты забыла, что в воскресенье наши будут взрывать дом вице-губернатора Сергеева? И, что уже завтра в Ольховке будет не протолкнуться от полицейских и «фээсбэшников»?

– Ах, да. Конечно, – смутилась Алина. – Поезжай. Только возвращайся побыстрее. Я буду скучать и ждать тебя.... Кстати, а каким образом будет уничтожено поместье вице-губернатора?

– Не знаю, честное слово. За серьёзные диверсионные акты в «Народной Воле» отвечает мой отец. В воскресенье всё и узнаем.... Так, запоминай, любимая, чисто на всякий случай, каналы для экстренной связи. Времена нынче беспокойные...

Глава третья

Заседание Совета Безопасности

Заседание Совета Безопасности, на этот раз, решили провести в Медведково – загородной резиденции Президента Зайцева.

Во-первых, над Москвой, благодаря очередному устойчивому антициклону, безраздельно властвовал плотный удушьяющий смог. Во-вторых, заседание обещало быть долгим и нудным, а, как известно, перерывы в работе эффективнее всего делать, выходя на природу. Мол, свежий воздух, щедро пропитанный кислородом, активно разгоняет кровь по сосудам и действительно способствует полноценному отдыху головного мозга...

На важное мероприятие, начало которого было назначено на двадцать один ноль-ноль, были приглашены практически все значимые государственные персоны современной России – руководящие сотрудники силовых ведомств и спецслужб, Генеральный прокурор, спикер Государственной Думы, два сенатора-тяжеловеса из Совета Федерации и несколько высококолых экспертов-аналитиков.

Прибыл даже престарелый Евгений Яковлевич Тёщин, человек известный и заслуженный, занимавший – в разное время – самые разнообразные государственные должно-

сти, начиная от руководителя Службы внешней разведки, и заканчивая постом Премьер-министра. Тёщин давно уже был мирным пенсионером федерального значения, но решили-таки и его, на всякий случай, побеспокоить – больно, уж, тема предстоящего заседания была неординарной, сложной и скользкой.

Заседание вёл, разместившись в торце длиннющего переговорного стола, Дмитрий Владимирович Зайцев, Президент России. По правую руку от него, в гордом одиночестве, расположился Премьер-министр, Дорогин Владимир Анатольевич. По левую – все остальные.

– Кто, собственно, начнёт? – хмуро поинтересовался Зайцев. – Молчим, значит, уважаемые? Ну-ну, понятное дело...

– Предлагаю, господа, заслушать начальника «Департамента по борьбе с экстремизмом», – вальяжно зевнув, предложил Премьер-министр. – Как-никак, это его епархия... Напоминаю всем присутствующим. Тема сегодняшнего заседания звучит следующим образом: – «Боевая организация «Народная Воля». Что это такое? С чем его едят? И как, собственно, бороться с этим антиобщественным явлением?».... Полковник Назаров!

– Я! – поднимаясь на ноги, дисциплинированно отозвался Игорь.

– Приступайте к докладу.

– Есть!

– Попробуйте освятить создавшуюся проблему макси-

ты...». Ничего, в общем, необычного. Таких ворчливых деятелей нынче развелось – и не сосчитать...

– Как это – не сосчитать? – недоверчиво нахмурился Зайцев. – А, чем же тогда занимается ваш хвалёный Департамент? Только пыль в глаза доверчивому начальству горазды пускать?

– Извините, я просто оговорился, – принялся неуклюже оправдываться полковник. – Неправильно выразился, так сказать. Все недовольные, конечно же, взяты у нас на карандаш и находятся под тотальным и всеобъемлющим контролем...

– Ладно, прощаю на первый раз, – брезгливо поморщился Президент. – Продолжайте, Назаров.

– Слушаюсь! Особого внимания на «Народную Волю» мы не обратили по следующим причинам. Во-первых, эта организация никогда не призывала к смене существующего строя. Ни к насильственному свержению, ни к политической борьбе за голоса избирателей. Во-вторых, никогда не шло речи и о разжигании межнациональной ненависти и розни. В-третьих, у фигурантов даже не было собственного сайта, что в среде российских «оппозиционеров» считается дурным тоном. Все свои обращения и предложения «Воля» первоначально размещала только на различных открытых интернет-форумах. А потом, совершенно неожиданно, «народовольцы» перешли на вирусную технологию распространения информации. И это момент нас, конечно же, насторо-

жил...

– Что это за – «вирусная технология»?

– Привожу один из многочисленных вариантов. Некая загримированная личность приходит в интернет-кафе и отправляет оттуда – в адрес широко-посещаемых интернет-форумов – внешне безобидный рекламный текст. Человек, открывший этот файл, тут же получает на свою электронную почту «пакет» совершенно другой информации, естественно, негативно-разоблачительной и политической направленности. Более того, эта информация потом уходит и всем абонентам, зарегистрированным в «Адресной книге» первого получателя. Ну, и так далее. Вплоть до образования так называемого «эффекта домино».... То есть, нам стало понятно, что в списочный состав «Народной Воли» входят и опытные хакеры очень высокой квалификации. После этого и была создана оперативная мобильная группа, работающая сугубо по «народовольцам».... Но, должен признать, что мы слегка припозднились. То есть, банально опоздали.... Уже через полторы недели – после создания специальной оперативной группы – начались широкомасштабные теракты, и ситуация сразу же вышла из-под контроля. Мы были вынуждены буквально-таки разрываться между местами-точками совершённых терактов, разбросанных по всей стране – от Калининграда до Владивостока.... На настоящий момент совершено более пятидесяти пяти терактов. Погибло порядка ста двадцати человек. Причём, конца и краю этому кроваво-

му процессу пока не видно. При проведении диверсионных мероприятий боевики «Народной Воли» используют современные мины с дистанционным управлением, гранаты, снайперские винтовки, пистолеты, охотничьи арбалеты, обыкновенные ножи и японские метательные звёздочки. Как говорится, расширенный арсенал...

– В отношении кого совершаются теракты? – старательно изучая собственные ухоженные ногти, невозмутимо уточнил Тёщин. – Уже успели классифицировать?

– Так точно! Все погибшие условно разделены нами на семь групп. Во-первых, государственные высокопоставленные чиновники, семьи которых – по мнению «народовольцев» – живут не по средствам. То есть, эти персоны (предположительно), являются злостными коррупционерами и активными расхитителями государственной казны.... Во-вторых, представители правоохранительных органов и спецслужб, производящие «крышевание» бизнеса и участвующие в «рейдерских» захватах. В-третьих, бизнесмены и различные частные лица, которые – так или иначе – уходят от уплаты налогов в особо крупных размерах. В-четвёртых, «второстепенные» люди, регулярно помогающие – в преступной деятельности – представителям первых трёх групп. Например, криминально-настроенные нотариусы, таможенники, налоговые инспектора, следователи, работники Прокуратуры, судьи и «серо-чёрные» банкиры, занимающиеся «обналичкой». В-пятых, «воры в законе» и лидеры ОПГ.

В-шестых, злостные рецидивисты, склонные к совершению тяжких преступлений. В том числе, серийные педофилы и насильники. В-седьмых, представители «золотой молодёжи», избежавшие, благодаря вмешательству высокопоставленных родственников, заслуженного уголовного наказания.

– Ничего не понимаю, – нервно передёрнув плечами, признался Премьер-министр. – Мы, то есть, государство, и так активно боремся со всеми перечисленными вами, полковник, правонарушителями. В рамках действующего Законодательства, понятное дело. Что же не устраивает этих – так называемых – «народовольцев»?

– Методы, масштабы и динамика государственной борьбы, – понимающе хмыкнул Тёщин. – «Народная Воля» считает, что сегодняшний мягкотелый и слюнявый либерализм только развращает преступников всех мастей. Мол, неуместная доброта, она сродни полной безнаказанности и плодит – в геометрической прогрессии – новых преступников. Как уголовных, так и финансовых...

– Что я слышу? – удивился Президент. – Вы, Евгений Яковлевич, поддерживаете и одобряете жестокосердных и противоправных «народовольцев»?

– Нет, не одобряю и не поддерживаю, – загадочно улыбнулся пенсионер федерального значения. – Но, тем не менее, прекрасно понимаю. Игорь Игоревич, – обратился к Назарову, – вы говорили, кажется, о ста двадцати погибших?

– Так точно! Говорил.

– Вы проанализировали личности погибших и их прошлое? Что можете сказать об этих людях?

– М-м-м....

– Не мнитесь, полковник, и докладывайте по делу. Всё, как оно есть.

– Есть, докладывать! Все пострадавшие персоны – в своё время – попадали в сферу интересов правоохранительных органов. Некоторые из них даже получили реальные сроки отбытия наказаний. Правда, мизерные, и вскоре были освобождены. Либо условно-досрочно, либо по очередной амнистии.... Другие деятели отделались условными сроками и незначительными штрафами. Третьи из обвиняемых перешли – за недостаточностью полноценных улик – в разряд свидетелей...

– Это абсолютно ничего не меняет! – грозно сверкая линзами очков, возмутился Генеральный прокурор Сорокин. – Допустим, «народовольцы» собрали расширенные досье, исходя из которых, следует, что пострадавшие граждане являлись матёрыми и закоренелыми преступниками. Что, собственно, из того? Надо было – в безусловном порядке – все имеющиеся материалы передать нам. Или же, например, в Следственный комитет.... Мы же, господа, живём в двадцать первом веке! Для современной цивилизации самосуд неуместен!

– Правильно, – поддержал Сорокина Президент. – Правовой нигилизм является бичом нашей страны. Лишь Закон

должен главенствовать над всем и вся...

– Разрешите? – по школьному вскинул вверх пухлую ладошку Тёщин. – Я, собственно, хотел бы сказать несколько слов по сопутствующей, так сказать, тематике. Это много времени не займёт.

– Конечно, Евгений Яковлевич. Только, прошу, не увлекайтесь.

– Спасибо, Дмитрий Владимирович... Итак, поскольку я являюсь пенсионером, то располагаю целой кучей свободного времени. Поэтому ежедневно – по пять-шесть часов – «сизжу» в Интернете. Так что, со всеми манифестами, призывами и программами «Народной Воли» я знаком не понаслышке. Должен признать, что некоторые предложения «народовольцев» не лишены здравого смысла. В том числе, и экономического... Привожу конкретный пример. Государственная закупка медицинского оборудования и различных медицинских препаратов для льготных категорий граждан. Все вы, конечно, знаете, какой откровенный бардак творится в этой сфере. Томограф, закупленный Свердловской областью, может стоить в полтора-два раза дороже, чем точно такой же томограф, приобретённый чиновниками Новгородской области. Закупочные оптовые цены на один и тот же медицинский препарат – в разных префектурах Москвы – разнятся от двадцати до ста процентов. Полный и законченный бред! Причём, практически все региональные чиновники работают сугубо с посредниками. За щедрые откаты, по-

нятное дело.... На этом негативном фоне предложение «народовольцев» выглядит вполне логичным и своевременным. Его суть заключается в следующем. Минздрав России заранее, в плановом порядке, собирает все заявки из регионов и тщательно разносит-суммирует их по тематическим разделам. После чего выходит на свободный рынок и приобретает – сугубо напрямую, в открытом порядке, у лучших мировых и отечественных производителей – всё запрошенное. Естественно, по эксклюзивно-низким ценам. Ведь, в этом случае, Минздрав России будет являться крупнейшим оптовым покупателем различных медицинских приборов, оборудования и препаратов.... Подчёркиваю, крупнейшим в мире оптовым покупателем!

– Как-то всё это..., м-м-м, громоздко, – понимающе переглянувшись с Премьер-министром, вяло промямлил Президент. – Каким-то доперестроечным Госпланом попахивает...

– Ну, и что из этого? – не сдавался упрямый старикан. – Пусть попахивает, перетерпим. Зато, будут сэкономлены сотни миллионов бюджетных долларов, которые не разойдутся по бездонным карманам жадных чиновников и разнообразных посредников.... Ещё одна здравая программа «народовольцев». Речь идёт о переводе расчётных счетов всех-всех государственных структур – из различных коммерческих банков – в Казначейство. В коммерческих банках, как вы знаете, строго соблюдается так называемая «банковская тайна», что существенно осложняет оперативный контроль

за расходом бюджетных средств. В условиях же государственного Казначейства существует реальная возможность по внедрению целого комплекса современных компьютерных «фильтров», способных «отсекать» как откровенные хищения, так и различные неэффективные траты...

Минут через двадцать пять Премьер-министр, тактично кашлянув, прервал Тёщина:

– Всё это, конечно, очень интересно и актуально.... Вы, Евгений Яковлевич, сможете предоставить мне – в течение двух недель – развёрнутый доклад на озвученную тематику? Заранее – большое спасибо.... А у вас, полковник, есть, что добавить к вышесказанному?

– Так точно! Имеется! – вытянулся в струнку Назаров. – И эти две новости носят крайне негативный характер.

– Что же, излагайте. Не томите.

– Слушаюсь! Во-первых, вчера вечером «Народная Воля» организовала – с помощью модифицированных вирусных программ – массовый вброс в Интернет свежей информации. Вернее, речь идёт о расширенных списках конкретных персон, приговорённых этой организацией к смерти. В общий перечень входят четыре тысячи двести пятьдесят три человека...

– Совсем обнаглели! – от души возмутился Зайцев. – Более четырёх тысяч! А...э-э-э, что вы можете сообщить...м-м-м, по персональному составу приговорённых?

– Перечень – в социально-структурном плане – очень

широк, – невозмутимо передёрнув плечами, сообщил полковник. – Там числятся представители всех семи условных групп, о которых я уже докладывал. Включая даже известных представителей шоу-бизнеса и научных кругов. Кроме того..., – Назаров сделал невольную паузу. – Кроме того, в списках «народовольцев» озвучены и фамилии-должности двух уважаемых персон, присутствующих на этом заседании Совбеза...

– Кто же это? – чуть охрипшим голосом, в полной тишине, вкрадчиво спросил Премьер-министр. – Называйте, полковник. Не стесняйтесь. Здесь нет людей с расшатанными нервами.

– Господа Свиридов и Сорокин.

– Ик! – утробно выдохнул Генеральный прокурор.

– Ик! – незамедлительно поддержал его глава ГРУ.

– Предлагаю, прерваться минут на десять-двенадцать! – задумчиво хмурясь и вставая из-за стола, объявил Президент. – Господа, можете немного прогуляться по парку и вволю подышать свежим воздухом. Мы же с Владимиром Анатольевичем пройдем в мой кабинет.... Кстати, – невежливо ткнул – поочередно – указательным пальцем в Свиридова и Сорокина. – Вы, мутные деятели, составите нам компанию...

Перерыв прошёл откровенно скучно. Все его участники сразу же разбились на узко-профильные группы. Высоколобые эксперты о чём-то увлечённо беседовали с Тёщиным. Генералы и полковники спецслужб несуетливо и важно обща-

лись между собой. Сенаторы и спикер Государственной Думы, тревожно перешептываясь, предусмотрительно отошли в сторону.

Назаров, оставшись в гордом одиночестве, извлёк из кармана форменных брюк мобильный телефон и связался с дежурным по «своему» Департаменту. Полученная информация не обрадовала...

Перерыв завершился. Прилизанный секретарь пригласил всех обратно, в помещение.

Президент – радостно и беззаботно – о чём-то пересмеивался с Премьер-министром. А главный «грушник» и Генеральный прокурор, наоборот, были бесконечно мрачны и напоминали учеников-двоечников младших классов, которых строгие учителя только что оттаскали за уши.

– Все расселись? – дежурно поинтересовался Зайцев. – Что же, продолжаем знакомиться с докладом уважаемого господина Назарова. У вас, полковник, как мне помнится, имеется в запасе ещё одна негативно-неприятная новость?

– Уже две, Дмитрий Владимирович, – виновато вздохнул Игорь. – Извините. Так получилось.

– Ну-ну, – перестал улыбаться Президент. – Излагай, служивый...

Назаров коротко рассказал о появившемся в Интернете сообщении, в котором говорилось о предстоящем – в ближайшее воскресенье – уничтожении загородного дома ви-

це-губернатора Санкт-Петербурга.

– Потрясающая и бескрайняя наглость! – возмутился Премьер-министр. – Они стали уже заранее предупреждать о запланированных терактах? Мальчишки сопливые и не в меру самоуверенные! Что предпринимается, полковник?

– Моя мобильная группа уже выехала на место. Ожидается – в самое ближайшее время – прибытие в Ольховку представителей всех других правоохранительных органов и спецслужб. Завтра утром планирую лично прибыть на объект и возглавить команду сапёров. Естественно, что вокруг усадьбы господина Сергеева будет выставлена сверхнадёжная охрана, а сама деревня и её ближайшие окрестности будут «укомплектованы» опытными и многократно-проверенными оперативниками.

– Одобряю. Действуйте, – похвалил Зайцев. – Какая неприятная информация поступила за время недавнего перерыва?

– Час назад, на территории Новгородской области, обнаружен труп Петра Сергеева, единственного сына вице-губернатора Санкт-Петербурга, – доложил Назаров. – Вместе с ними были убиты ещё два молодых человека, сыновья уважаемых бизнесменов, занимающихся капитальным и дорожным строительством. Ответственность за это жестокое преступление взяла на себя боевая организация «Народная Воля».

– Что же это такое творится? Как же так? – слышались расстроенные и возмущённые голоса. – Нелюди. Сволочи.

Ублюдки...

– Отставить пустые разговоры! – по-деловому распорядился Владимир Анатольевич. – У вас, Игорь Игоревич, всё?

– Так точно! – преданно шмыгнул носом Назаров. – Разрешите отбыть на объект?

– Разрешаю, – скупно улыбнулся Премьер-министр. – По завершению оперативных мероприятий, приказываю прибыть с развёрнутым докладом в Кремль, – заговорщицки переглянувшись с Президентом, добавил: – Мы с Дмитрием Владимировичем ждём вас, полковник, в следующий четверг, к двенадцати ноль-ноль. Пропуск на ваше имя будет выписан. Попрошу не опаздывать...

Показалось, или, действительно, в тёмно-карих глазах Тёщина промелькнула – на краткий миг – ехидная и многопонимающая усмешка?

Глава четвёртая

Сильный ход

Премьер-министр, впрочем, как и всегда, был импозантен и строг. Глотнув минеральной водички, он заявил – многообещающе, мужественно и непреклонно:

– Югорская нефтяная провинция очень важна для современной демократической России. Она – наша кровь. Она – наша основная надежда на счастливое и светлое будущее. В полноценное и многопрофильное развитие инфраструктуры Югорского края мы готовы вложить – в ближайшие годы – более двадцати пяти миллиардов долларов...

Иван Иваныч, военный пенсионер из деревни Ольховка, Ленинградской области, только печально передёрнул плечами и с пониманием прокомментировал:

– Нефтяная провинция, понятное дело. А, как же, простая русская Провинция? Ну, да, ну, да.... Кому она, болезная, нужна, коль там нефти нет? Ясен пень, никому.... Пусть подышает, зараза, мать её!

– Всё с телеком разговариваешь? – входя в комнату, выполнявшую в доме Ветровых функцию столовой-гостиной, поинтересовалась Алина, в руках которой находилось объёмное блюдо с румяными пирогами. – Ох, смотри, деда! Неправильно это. Шёл бы на улицу, с народом деревенским

пообщался бы. . . Впрочем, сегодня, пожалуй, не стоит. И телевизора вполне достаточно. Типа – от греха подальше. . .

Помещение незамедлительно наполнилось чудесными и аппетитными замахами-ароматами.

– Пирог, никак? – заинтересованно задёргал длинным носом Иван Иванович. – С какой начинкой?

– Трёх видов. С малиной, с черникой и с маслятами.

– Хозяйственная ты у меня, внуча, слов нет.

– А, то. В тебя, дедуля, видимо, пошла, – ставя блюдо с выпечкой на стол, предположила внучка. – Сам же всему научил.

– Пирог, судя по характерной корочке, печные? – жадно сглатывая слюну, уточнил старик.

– Печные. Электричество-то ещё вчера отключили, с вечера. Надо думать, что специально.

– Зачем – специально?

– Кто их всех знает, – мудро усмехнулась Аля. – Боятся чего-то, поэтому и перестраховываются на ровном месте. Мол, вдруг, всё-таки, рванёт? Дедуль, ты пироги-то попробуй. Я старалась. . . Ну, как оно тебе?

– Отменно вкусно! Как и всегда, – аккуратно надкусив пухлый пирожок с малиной, покрытый тёмно-янтарной аппетитной корочкой, похвалил Иван Иванович. – А, что, внуча, творится-происходит в нашей Ольховке?

– Цирк бесплатный и несмешной, – неодобрительно поморщилась девушка. – Народу служивого понагнали – без

счёта. По каждой деревенской улице неторопливо прогуливаются (почему-то парами), подтянутые молодые люди в джинсах и мешковатых спортивных куртках, под которыми так удобно прятать пистолеты – хоть в наплечной кобуре, хоть закинув по-простому за брючный ремень.... А усадьба вице-губернатора окружена плотным разномастным кордоном – и обычные солдатики со стандартными автоматами присутствуют, и здоровенные лбы в камуфляже, вооружённые чёрными длинноствольными снайперскими винтовками. Ну, и важные офицеры, вперемешку с прокурорами, так и шастают туда-сюда...

– Ничего удивительного, – пояснил старик. – Дело-то громкое получилось. В том плане, что получило – через могучий Интернет – широкую огласку. Наверняка, наш ушлый Премьер-министр взял данную мутную ситуацию под личный контроль. Или, наоборот, наш не менее ушлый Президент.... Вот, служивый народ и суетится, меры не зная. Выслуживается, так сказать.... А, сколько сейчас времени?

– Десять часов сорок восемь минут, – выходя из спальни, сообщил сонный Егорка. – До взрыва, обещанного «народовольцами», остаётся ещё больше трёх часов.... О, какие симпатичные пирожочки! Сеструха, ты – самая настоящая добрая фея из сказки. Спасибочки...

– Может, братец, сперва помылся бы? – принялась незлобиво ворчать Алина. – Хочешь, я тебе чайку налью? Пока горячий?

– М-м-м, – набитым ртом неразборчиво замычал парнишка.

– Потом? Мол, сам нальёшь? Ну, смотри. Было бы предложено.... Как думаешь, врыв-то – в четырнадцать ноль-ноль – будет?

– М-м-м...

– Ладно, кушай, не разговаривай. Чтобы – ненароком – не подавиться.... А я, вот, считаю, что спектакль отменят.

– Конечно, отменят, – поддержал внучку Иван Иванович. – Как можно проводить эффективные диверсионные мероприятия, когда намеченный объект неустанно и бдительно охраняется? Причём, целой стаей опытных и надёжных псов-сторожей? Перенесут акцию, ясен пень, на более удобное и комфортное время...

– Ерунда! – дожевав пирог, не согласился Егор. – «Народная Воля» всегда держит – в отличие от нынешних российских Властей – данные обещания. Всегда, везде и во всём. Как же иначе? Прозорливый российский народ, он сладкоголосых болтунов, сорящих пустыми обещаниями направо и налево, терпеть не может.... Сходим, сестрёнка, на нашу смотровую площадку?

– Сходим, конечно, – беззаботно улыбнувшись, согласилась Аля. – Понаблюдаем. Вдруг – что?

Борченко медленно и вяло, безо всякого удовольствия и аппетита, методично работал старенькой алюминиевой лож-

кой. Типа – завтракал. Вернее, тупо насыщался.

Вчерашняя гречневая каша, щедро сдобренная говяжьей тушёнкой, является обычно-привычной пищей сорокалетнего российского холостяка. Среднестатистического холостяка, понятное дело. В том смысле, что дважды разведённого мужика-неудачника. Бывает, конечно...

«Воскресенье – самый худший день недели», – машинально поглощая холодную кашу, рассуждал про себя капитан. – «Вчера, то бишь, в субботу, переделал все бытовые дела. Постирался, картошку окучил, печь в избе подмазал цементом и побелил в первом приближении, к вечеру протопил баню и вволю попарился. После бани, понятное дело, «уговорил» поллитровку.... А, чем заняться сегодня? В лес сходить? Да, ведь, не сезон. Грибы ещё толком не пошли. Так, только сыроежки ярко-жёлтые, ни на что негодные. Вот, ежели бы красные – мясистые и крепкие. Их и солить можно впрок, и на сковороде они хороши.... К Ветровым сходить в гости? Пригласить Алевтину съездить в город? Мол, кафе, музеи, кино и домино? Откажется, как пить дать. Придумает целую кучу важных и неотложных дел-причин, вежливо извинится и откажется.... Может, водочки выпить, спасаясь от злой тоски? Неплохо было бы. Ей-ей, неплохо. Только, к сожалению, нельзя. Завтра надо на работу выходить. Негоже, пороча высокое звание российского полицейского, делать это с похмелья.... Пойти – прямо сейчас – в контору? Типа – привести бумажные дела в порядок? Составить черновик квар-

тального отчёта? Тоже не получится. Кабинет безраздельно оккупировали – под временный штаб – приезжие «силовики». Даже на порог не пустят. Так их всех и растак... Что делать? Чем заняться?».

В дверь настойчиво постучали.

– Входите, – лениво зевнув, разрешил Борченко. – Не заперто.

Надсадно проскрипели заржавевшие дверные петли, и в светёлке, пройдя через длинные сени, появился полковник Назаров.

«Красавчик писанный!», – восхитился про себя Борченко. – «При полном, так сказать, параде. Форма с иголки. Орденские планки чуть ли не до пупа... И, почему я – много лет тому назад – на пошёл на службу в ФСБ? Ведь, звали. Причём, не один раз. Всё дурацкое чистоплюйство и мнительность избыточная... Сейчас тоже был бы нормальным человеком. Городским, упакованным по полной программе, женатым. А не одиноким боровом деревенским – в скромных капитанских погонах...».

– Здорово, Иван, – доброжелательно улыбнувшись, протянул руку Назаров, после чего, повертев головой по сторонам, констатировал: – Да, бедновато живёшь, бывший подчинённый. Общее запустение и серая холостяцкая неухоженность... Что же так? Молчишь? Ладно, не отвечай. Если обидел чем, то прости. Занимаемая должность, знаешь ли, не располагает к слюнявым политесам.

– Да, я ничего, – засмутился капитан. – Всё нормально.... Присаживайся, командир. Хочешь каши? Гречневая, наваристая, с тушёной.... С чем пожаловал-то?

– А ты, гляжу, не рад?

– Рад, конечно же. Просто.... До времени «Ч» осталось всего-то два с половиной часа. То есть, до четырнадцати ноль-ноль.... По идее, Игорь Игоревич, ты должен быть там, на вверенном объекте. Что называется, на лихом белом коне. Дабы лично всё контролировать и держать руку на пульсе...

– Перестань, ефрейтор, – начальственно поморщился Назаров. – Что мне там делать? Во-первых, все запланированные мероприятия уже осуществлены. Сапёры в доме и на участке господина Сергеева никаких мин не обнаружили. Надёжная охрана – везде и всюду – расставлена. Так что, сам понимаешь. От меня уже, собственно, ничего не зависит...

– А, что у нас – «во-вторых»? – усмехнулся Борченко.

– Прозорлив ты, капитан. Прозорлив и вдумчив. В самый корень зришь. Молодец.

– Мент я, или как?

– Опытный и виды выдавший российский полицейский, – въедливо поправил полковник. – Ладно, поговорим, брат-Ваня, начистоту.... Поверь, но данный конкретный случай меня мало интересует. Загородный дом очередного вороватого вице-губернатора? Да, гори он ярким огнём. Причём, вместе с зажравшимся хозяином. Невелика потеря, если судить в государственном масштабе.... Мне другое, кровь из

носа, надо отыскать. Совсем – другое...

– Что же тогда?

– След. Только, лишь, чёткий и однозначный след.... Понимаешь?

– Вроде бы.... Неужели, всё так плохо?

– Хуже не бывает. Почти шестьдесят совершённых терактов, и ни единой дельной зацепки. Ну, взяли пару-тройку пособников. А толку – ноль. Конспирация в «Народной Воле» выстроена отменная. В том плане, что многоуровневая и сверхнадёжная.... Нужен прямой выход на руководителей «народовольцев». Желательно, на первых лиц. Всё остальное – и для меня, и для моих кураторов – глубоко вторично.... Ясно излагаю?

– Ясно, понятно и доходчиво, – заверил Борченко. – А, почему, Игорь Игоревич, ты так на меня смотришь?

– Как – так?

– С ярко-выраженным подозрением и недоверием. Как Уинстон Черчилль когда-то глядел на Иосифа Сталина. А ревнивый Отелло – на безвинную Дездемону...

– Ты, Иван, знаешь что-то важное, – взял быка за рога Назаров. – Я это ещё вчера утром, при первой встрече – спинным нервом – почувствовал.

– Ничего я не знаю. Слово офицера. Чем угодно готов поклясться.

– Значит, догадываешься о чём-то.... Колись, морда капитанская!

– Что будет, если я промолчу? – меланхолично отправляя в рот очередную ложку холодной гречневой каши, поинтересовался Борченко. – На дыбу подвесите?

– Зачем же – на дыбу? – наигранно удивился полковник. – Для начала, понятное дело, арестуем и отвезём в профильный изолятор. Там тебе, мерзавцу молчаливому, старенький очкастый доктор вколет «сыворотку правды». Сам всё, в любом раскладе, расскажешь. Курским весенним соловушкой будешь петь-заливаться.... Так, как? Будем честный и правдивый разговор разговаривать?

– Не знаю. Неудобно как-то – своих сдавать...

– А превратиться в слюнявого идиота, значит, удобно? «Сыворотка правды» последнего поколения, чтобы ты знал, препарат злой и жестокий. После плотного общения с ней в организмах многих «пациентов» наблюдаются – так называемые – «побочные эффекты». Некоторые допрашиваемые персоналии становятся махровыми олигофренами, другие – законченными импотентами.... Оно, брат, тебе надо? Рассказывай, Ваня. Рассказывай...

– Здесь некоторое время отирался Хрусталёв, – затравленно глядя в сторону, с трудов выдавил из себя капитан.

– Какой это – Хрусталёв?

– Тот самый. Майор.... Помнишь – Реку и две «Чёрные акулы»?

– Помню, – задумчиво катая по скулам каменные желваки, подтвердил Назаров. – Такое и захочешь забыть, да не

забудешь.... И, что делал в Ольховке наш забубённый Сергей Сергеевич?

– Да, ничего особенного. Он вместе с женой приезжал. Сняли они половину дома у бабы Клавы Калашниковой. Отдыхали, загорали, купались, рыбачили.... Потом майор, повздорив с местной гопотой, ввязался в драку. Отметелил нескольких субчиков. Задержали Хрусталёва, конечно. А потом, в соответствии с действующим Законодательством, осудили на пятнадцать полноценных суток исправительных работ.

– Что было дальше?

– Тоже ничего подозрительного. Поработал Сергей Сергеевич две недели на ближайшей стройке. Вышел на волю. Снова принялся купаться и загорать. Несколько дней назад они с женой уехали. Мол, отпуска подошли к концу. Вот, собственно, и всё...

Раздался длинный и настойчивый зуммер.

– Я слушаю! – поднеся к уху тёмно-синий брусок мобильного телефона, известил Назаров. – Вице-губернатор приехал? Настаивает, чтобы его пропустили на территорию поместья? Мол, у него в доме хранятся важные деловые бумаги? Ругается и скандалит? Пропустите бедолагу, коль ему так хочется.... Всё, конец связи. Роджер.

Где-то громко и заливисто прокричал деревенский петух.

– Спасибо, Иван, – поднимаясь из-за стола, поблагодарил заметно повеселевший полковник. – Очень важную и свое-

временную информацию ты предоставил. Можно сказать, выручил старинного боевого товарища. Буду обязательно ходать – перед самим министром МВД – о присвоении тебе майорского звания.... Ну, бывай, братишка. Всех благ! Созвонимся.... Стоп! Выдай-ка мне ключик от твоего кабинетного сейфа. Давай-давай, не жадничай! Вот, молодец. Как говорят местные деревенские жители – спасибочки вам...

Дверь за Назаровым захлопнулась.

– Вот, и я подлым Иудой заделался, – брезгливо сплюнув на пол, прошептал Борченко. – Слил, глазом не моргнув, человека, который когда-то спас мне жизнь. Эх, жизнь наша – жестянка.

Он – шаркающей неверной походкой – подошёл к старенькому резному буфету, приоткрыл дверку и, покаянно покачав головой, извлёк на свет Божий непечатую водочную бутылку...

Ольховка – со всех сторон – была окружена разномастными холмами и горушками.

На вершине одного из холмов, заросшего густым лесом, брат и сестра Ветровы – лет пять-шесть назад – построили-оборудовали «лесной дом». Не одни, конечно, построили, а с помощью соседских пацанов – Мишки и Артема.

«Лесной дом» – звучит избыточно солидно. Просто-напросто смастерили из надёжных досок – между толстыми

ветвями разлапистой старой сосны, на высоте восьми-девяти метров над уровнем земли – горизонтальный щит, на котором потом установили просторный шалаш, крытый обрезками рубероида. А сам шалаш, естественно, огородили крепкими перилами с узким проёмом для входа. К доскам щита – в месте проёма – была прибита классическая верёвочная лестница. Вот, собственно, и всё.

Обычное, в общем-то, сооружение, такие иногда показывают в голливудских приключенческих фильмах про американских подростков-скаутов.

Как бы там ни было, но «лесной дом» получился на удивление крепким, и все годы, прошедшие после завершения строительства, пережил вполне успешно. По крайней мере, на составные части не развалился.

Холм назывался – «Гадючья горка». Как легко догадаться из названия, в этом месте водилось много ядовитых змей. Поэтому и деревенские жители, и приезжие дачники холм своим вниманием-присутствием не баловали.

А ещё со смотровой площадки «лесного дома» открывался отличный вид на Ольховку и её ближайшие окрестности. В том числе, и на усадьбу вице-губернатора. От вершины Гадючьей горки – до усадьбы Павла Фёдоровича Сергеева – было чуть больше километра.

Без двадцати пяти два брат и сестра Ветровы подошли к заветной сосне.

– Здесь, Алька, кто-то был, – насторожился Егор. – При-

чём, совсем недавно.

– Почему ты так решил?

– Мы с Мишкой позавчера залезали наверх. Так, от нечего делать. Поглазеть на деревню. А, когда спустились обратно, я последнее звено верёвочной лестницы зацепил вон за ту обломанную толстую ветку. Сейчас же лесенка свободно болтается.

– Мало ли, что, – легкомысленно отреагировала Алина. – Наверное, прошлой ночью ветер постарался.... Ну, лезем?

– Отставить! – оповестил хриплый юношеский голос. – Проходим, граждане, мимо «скворечника». Проходим.

Аля, задрав голову, посмотрела наверх. Через перила «лесного дома» свешивался молодой коротко-стриженный парнишка, облачённый в буро-зелёный камуфляж.

– Как это – проходим? – возмутился Егорка. – Этот «скворечник» я самолично строил! Вот, этими самыми, тогда ещё детскими ладошками.... А ты кто таков будешь, орёл пятнистый?

– Дмитрий Стогов, – сооротив бесконечно-важную физиономию, представился паренёк. – Младший лейтенант ФСБ. Проходим, граждане. Проходим....

– Младший лейтенант, понимаешь, – не унимался Ветров-младший. – Двенадцатая спица в кривом велосипедном колесе.... Спускайся вниз, рожа наглая! Этот «скворечник» является нашей частной собственностью! Смотри, можем и в суд подать. Имеем, знаешь ли, богатый опыт...

– Какой ещё опыт?

– Такой. По затяжным судебным тяжбам и плотному общению с демократической болтливой прессой.... Слезай, кому сказано!

– Не могу, уважаемые селяне. Имею строгий и однозначный приказ – не покидать данную рабочую точку вплоть до поступления условного сигнала.

– Это ты толкуешь о знаменитых – «трёх зелёных свистках»?

– Точно. О них самых, – с интересом поглядывая на Алину, смешливо улыбнулся младший лейтенант. – Смотрю, провинциальные деревенские жители, и вы кое-что понимаете в тонком армейском юморе...

– А, то, – резко поменял тон Егор. – Наш любимый дедуля вышел в отставку в звании генерал-лейтенанта. Так что, земляк, сам понимаешь.... Слышь, Димон, а давай, мы к тебе заберёмся? Ну, раз тебе спускаться с сосны – под страхом гауптвахты – нельзя?

– Не положено.

– А я, братец, знаю целую кучу смешных анекдотов – про бесконечную тупизну самодовольных «грушников». Потом, пересказав анекдоты сослуживцам, ты несказанно поднимешь свой воинский авторитет. Глядишь, и лейтенантом станешь – гораздо раньше положенного срока.... Так, земляк, как? Решим вопрос мирно и к взаимному удовольствию сторон? То бишь, без громких скандалов в прессе и нудных

судов?

– Ну, не знаю...

– А я тебя, Димочка, поцелую, – подключилась к переговорам Алина. – В щёку, естественно. Типа – для начала серьёзных, вдумчивых и трепетных взаимоотношений.

– Ладно, залезайте, селяне, – сдался младший лейтенант. – Только тихо и по быстрому.

Взобравшись на платформу «лесного дома», Егор тут же принялся травить обещанные анекдоты:

– Вызывает Президент Зайцев генерал-полковника Свиридова на ковёр и, строго нахмутив брови, спрашивает: – «Генерал, почему вы не едите солёных огурцов? Подозрительно это.... Может, вы являетесь подлым американским шпионом?». Свиридов, смертельно побледнев, отвечает: – «Никак нет, господин Президент! Я, действительно, русский по рождению. Да и солёные огурцы – до полного безумия – обожаю. Просто голова – зачастую – в трёхлитровую банку не пролезает...».

– Гы-гы-гы! – радостно и беззаботно заржал Дмитрий. – Классная и козырная тема! Давай, земля, ещё!

– Остановитесь, мальчики, – вмешалась Аля. – Уже, между прочим, без семи минут два.

– Точно! – опомнился младший лейтенант. – Всё, юморные деревенские жители, отходим в сторонку – на ту сторону проёма – и не мешаем...

Он пристроил на перилах «лесного дома» чёрную снай-

перскую винтовку и, присев на корточки, принялся бдительно – через мощный оптический прицел – наблюдать за усадьбой вице-губернатора.

Время – в полной, слегка звенящей тишине – текло-ползло медленно и вязко.

Прошла минута, вторая, третья, четвёртая... Но, ровным счётом, ничего не происходило.

– Уже, кстати, почти четверть третьего, – на пару секунд оторвавшись от прицела, сообщил Дмитрий. – Похоже, что огненное шоу отменяется. Чего, впрочем, и следовало ожидать. Обычный пошлый пиар, не более того.

– Да, позорно обхезалась хвалёная «Народная Воля», – расстроено вздохнув, признал Егорка. – Подорвала, так сказать, свой безупречный и заслуженный авторитет. Российский народ, ей-ей, не поймёт. Столько цветастого шума, и – в конечном результате – полный «пшик»...

– Вью! Вью..., – раздался, планомерно приближаясь, странный и тревожный звук.

– Бух!!! – через секунду гроыхнуло на всю округу.

Алина крепко заткнула указательными пальцами уши и произвольно прикрыла глаза.

А, когда открыла, то тут же снова зажмурилась – впереди, на низком покатом холме, расположенном рядом с берегом Зеркального озера, всё нестерпимо-ярко пылало...

– Ничего себе, пирожки с недельными котятками, – зачарованно пробормотал младший лейтенант Стогов. – Это же

они шандарахнули ракетой класса – «земля-земля».... Сильный ход! Уважаю...

«Сильный ход, уважаю», – мысленно запечалился полковник Назаров. – «Следовательно, у «народовольцев» есть свои люди и в высших армейских эшелонах. Тактические ракеты класса – «земля-земля» на дороге не валяются. Это уже, блин горелый, серьёзно. Так можно – ненароком – доиграться и до классического военного переворота. Сиречь, до полновесного кровавого путча.... Что теперь делать? Остаётся лишь одно – искать, высунув от усердия язык на сторону, Хрусталёва. Все силы надо бросить на это! Все, все, все.... Эх, Сергей Сергеевич, Сергей Сергеевич! Убеждённый и упёртый последователь Эрнесто Че Гевары. Заигрался ты, братец, однако...».

Глава пятая

Изгнанники

– Ничего не понимаю! – рьяно разорвался с телевизионно-го экрана Премьер-министр Владимир Дорогин. – Такие колоссальные деньги государство вложило в возрождение российского Автопрома! Такие льготные кредиты придумало! А эти гнусные потребители? Ничего покупать не хотят! Кто мне объяснит – почему?

Иван Иваныч, военный пенсионер из деревни Ольховка, Ленинградской области, скромно предположил:

– Может, господа хорошие (или там, извините, плохие?), дороги сперва надо построить? Ну, хотя бы какие-нибудь? Желательно, более-менее приличные? А? Вы, уж, извиняйте, ежели что ни так... Но, как же оно – без дорог? На хрена нам сдались ваши автомобили? Нонсенс, блин горелый, российский... Интересно, а знает ли наш мудрый Премьер-министр, что в зачуханной Финляндии, к примеру, стоимость одного среднестатистического погонного метра дорожного полотна раза в полтора-два ниже, чем в нашей достославной и богатой России? Почему? Наверное, потому, что в Финляндии нет ни нефти, ни природного газа, ни славной партии – «Могучая Россия»...

В дверь тихонько постучали.

– Заходи, капитан! – выключая телевизор, разрешил Ветров. – По какому поводу нарезался, служивый?

В комнату, слегка покачиваясь, вошёл хмельной Борченко и – глухим механическим голосом – поинтересовался:

– Откуда, Иваныч, узнал, что я слегка, ик, выпил?

– По стуку, милоч. Сугубо по стуку, – многозначительно усмехнулся старик. – Характерный он у тебя. А когда грамм триста-четыреста накатишь, то тихим-тихим становится. Вкрадчивым таким, вопрошающим и слегка смущённым.

– Действительно, ничего хитрого. Наблюдательный ты, Иваныч. Ничего не скажешь...

– А, то. Я, сынок, чтобы ты знал, армейскую карьеру начал в качестве заместителя командира взвода полковой разведки. Это уже потом, через несколько лет, переквалифицировался в мирного артиллериста.... Ну, капитан, рассказывай, как и что. Не томи. Глаза-то у тебя тревожные – до полной невозможности.

– Сейчас – тринадцать часов тридцать пять минут, – пристально взглядевшись в циферблат наручных часов, сообщил Борченко. – То есть, у нас осталось – на всё про всё – минут сорок-пятьдесят. Причём, не смотря на то, мол, будет взорван дом вице-губернатора Сергеева, или же нет. Механизм, как говорится, уже запущен, и обратной дороги не будет.

– Говоришь, что времени мало осталось? – насторожился-подобрался генерал-лейтенант в отставке. – Тогда закан-

чивай говорить дурацкими загадками. Изволь, капитан, доложить чётко и ясно! Без мутных штатских экивоков.

– Есть, доложить без экивоков! Надо срочно предупредить ребят – Альку, Егора, Мишку и Артёма. Пусть на время исчезнут. То есть, на месяц-полтора залягут на дно. Глядишь, за это время всё завершится и устаканится. Тогда и про них забудут. То есть, оставят в покое...

– Это всё из-за Серёги Хрусталёва? Он имеет непосредственное отношение к «Народной Воле»?

– Так точно. Из-за него, отчаянного.

– Хрусталёва будут искать? Да и всех, кто с ним плотно общался, загребнут?

– Дело не только в этом. Ик! – пьяно икнул Борченко. – Извини, Иваныч.... Есть же ещё граждане Рябко и Маневич.

– Причём здесь Сизый и Костян?

– Железные шарики, извлечённые из черепушек пострадавших. Я тогда сразу всё понял.

– Что – понял? – въедливо уточнил Иван Иванович. – Излагай, но – при этом – помни, что время поджигает.

– Есть, помнить! Дело было в полковой «учебке». Нас тогда всех готовили для службы в диверсионных подразделениях. Но – в конечном итоге – туда отобрали только лучших. Остальных разбросали – кого куда. Я, например, попал в связисты. Но, не это главное...

– Что же тогда?

– Майор Хрусталёв многому нас обучал лично. В том чис-

ле, стрелять из специальных диверсионных рогаток. Модель Р-05. Стрелять – стальными шарика. Убойное расстояние – до семидесяти метров.

– Ты хочешь сказать, что...

– Да, именно это, – печально кивнул головой Борченко. – Я сразу, ик, догадался, что к чему. Сергей Сергеевич – во время пятнадцатисуточного заключения – подружился с подростками. А потом, по отбытию наказания, научил малолеток эффективно пользоваться, ик, изделиями Р-05.... В принципе, ничего страшного. Сизый и Костян, ик, законченные уроды и скоты. Их уже никогда и ничем не исправить, сколько ни старайся. По крайней мере, в российских тюрьмах и колониях. Таких отпетых подонков, ик, надо мочить, мочить и ещё раз мочить, жалости и сомнений не ведая. Забота, понятное дело, о жизни и здоровье законопослушных граждан и гражданок.... Но, если я догадался, ик, обо всём, значит, догадаются и все остальные. Догадаются и решат, что ребята являются преступными «народовольцами». А после этого арестуют и повесят на них всех собак. Обвинят – чёрт знает, ик, в чём. Заставят признаться – во всём подряд. Ну, и так далее. По расширенному списку.... Хрусталёв-то человек опытный, его, ик, голыми руками не взять. Скорее всего, скроется, ужом извернувшись.... Спрятаться ребятам надо. Если за месяц-полтора, ик, с «Народной Волей» будет покончено, то, вполне возможно, всё и обойдётся.... А ещё баба Клава Калашникова видела, как Алевтина,

ик, гуляла под ручку с сыном Хрусталёва. Более того, она утверждает, что молодые люди целовались взасос. Плохо это. То бишь, лишний повод для махровых подозрений и тягостных, ик, размышлений...

– Остановись, капитан. Я всё понял. Большое спасибо за предупреждение. А теперь, служивый, отправляйся-ка домой. Иди, иди, болезный. Со временем, действительно, туго.

– Хорошо, отправлюсь. Запомни, Иваныч, фамилию – «Назаров». Этот полковник возглавляет в ФСБ «Департамент по борьбе с экстремизмом». Передай информацию народным массам. Кому надо, тот поймёт...

Борченко, облегчённо вздыхая, покорно ушёл, а Иван Иванович – со знанием дела – приступил к сборам.

Доставая с антресолей старый брезентовый рюкзак, он тихонько бормотал под нос:

– Прав ментяра. Насквозь прав, сукин кот. Надо ребятишкам – в обязательном порядке – залечь на дно. Чисто на всякий пожарный случай. Чтобы не попасть между мельничных жерновов. То бишь, между жерновами славных и тщеславных российских спецслужб, так любящих обгонять – на крутых жизненных поворотах – друг друга...

В правый карман рюкзака он поместил документы внука и внучки, тщательно завёрнутые в кусок толстого полиэтилена. В левый – пухлое кожаное портмоне с деньгами. В смысле, с девяноста процентами личных сбережений. В центральный – подробную топографическую карту, надёжный ком-

пас и два карманных фонарика. Также в рюкзак было сложено: плащ-палатка, две пары коротких резиновых сапог и толстых шерстяных носков, солидный охотничий нож в кожаных ножнах, туристический топорик, флакон с антикомариной жидкостью, несколько зажигалок, маленький походный котелок, три килограмма риса, восемь банок с говяжьей тушёнкой, четыре пачки соевых галет, два литровых пакета с яблочным соком, две алюминиевые фляжки, заполненные кипятком, ну, и так далее...

Участок Ветровых располагался на самом краю деревни и своей южной стороной примыкал к лесу. В доме имелся второй-запасной вход-выход, а в южной части забора – калитка.

Первым делом, Иван Иванович, спустившись по свежеразкрашенным ступеням крыльца, подошёл к основным, северным воротам, которые – по летнему времени – почти никогда не запирались.

Достав из кармана куртки обломок школьного мела, он начертил на обеих створках ворот ёмкое слово – «Заминировано!», а чуть ниже добавил по профильному сапёрному значку, понятному любому человеку, имевшему прямое отношение к армейским структурам.

После этого Ветров аккуратно притворил створки ворот, задвинул мощную щеколду и вернулся в дом.

Заперев основную дверь, он набросил на плечи тяжеленный рюкзак, выбрался на свежий воздух через запасной выход, повернул ключ в замке второй двери и зашагал к южной

калитке.

В этот момент – со стороны Зеркального озера – качественно рвануло.

– Однако дают, деятели. Даже уши слегка заложило, – не останавливаясь и не оборачиваясь, проворчал Иван Иванович. – Эх, Серёга Хрусталёв, уха́рь отвязанный. И во что ты, авантюрист хренов, втравил моих неразумных и доверчивых внучат? Ладно, Бог тебе судья...

Войдя в лес он, слегка припадая на правую ногу, уверенно зашагал по натоптанной тропе в сторону Гадючьей горки.

Минут через десять-двенадцать впереди – сквозь зелёное осиновое мелколесье – мелькнуло что-то светло-голубое.

«Внучкина джинсовая курточка», – мысленно обрадовался старик. – «Повезло мне, однако. Вернее, всем нам несказанно повезло...».

– Дедуля? – удивилась девушка. – Ты что здесь делаешь?

– Что-то случилось? – забеспокоился Егор.

– Случилось, – снимая с плеч рюкзак, хриплым голосом подтвердил Иван Иванович. – Подождите, ребятки, чуток. Подождите.... Кхы-кхы-кхы! Я только отдышусь немного...

Пока дед отдыхал, Алина коротко сообщила-доложила ему о результатах посещения «лесного дома».

Минуты через три-четыре, приведя дыхание в норму и смахнув с разгорячённого лица капельки пота, Ветров рассказал внуку и внучке о недавнем визите подвыпившего и совестливого капитана Борченко.

– Вот же, непруха, – огорчился впечатлительный Егор. – Только жизнь стала налаживаться. В том плане, что начал проявляться её глубинный и сокровенный смысл. И, на тебе. Не было печали у гусара.... Что теперь делать?

– Дедушка прав, – задумчиво покачала головой Аля. – Действительно, стоит на какое-то время спрятаться. Не обязательно, что на месяц-полтора. Вполне возможно, что и двух-трёх недель будет вполне достаточно, – обернулась к брату. – А, где у нас Мишка и Артёмка?

– Ещё позавчера уехали в город. Типа – в гости к одному приятелю. Я его толком не знаю.

– Звони им, Егорша. Расскажи всё, предупреди. Пусть тоже, не отсвечивая понапрасну, залягут на дно и в Ольховке – до отдельной команды – не показываются.

– Может, потом позвоните? – засомневался Иван Иванович. – Уже вечером, на привале, когда отойдёте от деревни подальше?

– Нельзя – потом, – возразила внучка. – Во-первых, время дорого. Во-вторых, уже через час-полтора, наверняка, наши телефонные номера будут активно пеленговать.

Она достала из внутреннего кармана куртки скромный нежно-лиловый мобильный телефон, набрала нужный номер и – равнодушно-монотонным голосом – кратко обрисовала сложившуюся ситуацию. Причём, словосочетание – «полковник Назаров» повторила несколько раз подряд.

– Кому это ты, пигалица, звонила? – заинтересовался

Иван Иванович. – Не здоровалась, не прощалась. Интересное дело...

– Телефонному роботу, – мягко улыбнулась Алина. – Так сказать, элемент хорошо-продуманной конспирации. Этот робот передаст моё сообщение второму, тот – третьему.... Через некоторое время информация доберётся и до нужного человека. Ничего хитрого.

– Говорят, что ты, внуча, целовалась с сынком Серёги Хрусталёва? Это правда?

– Чистая правда, дедуля. Более того, я скоро выйду за Алексея замуж. Только непонятно – как теперь это замужество оформить официально? То бишь, находясь в федеральном розыске? Ничего, что-нибудь обязательно придумаем.... Как там у тебя, братишка?

– Я дозвонился до Мишки. Всё ему рассказал. В том числе, и о том, что мобильными телефонами – со старыми «симками» – больше пользоваться нельзя.... Куда мы сейчас направимся?

– Пока не знаю. Надо подыскать укромное местечко и вдумчиво проработать маршрут.

– Я знаю – куда, – доставая из рюкзачного кармана сложенную в несколько раз топографическую карту, сообщил генерал-лейтенант в отставке. – И детальный маршрут, идя к вам навстречу, успел – мысленно – проработать.... Итак, молодёжь, слушаем сюда, – несуетливо развернув, пристроил карту на высоком плоском валуне. – Подходим, не стесняем-

ся... Это – Боровое озеро. Мы с вами туда – года три назад – ходили на рыбалку. Помните?

– Конечно, – подтвердила Аля. – Там такие окуни водятся – закачаешься. Тёмные-тёмные, с кроваво-красными плавниками. Красивые и очень эстетичные. Я тогда одного отловила, наверное, грамм на семьсот пятьдесят. Как он, бродяга, сопротивлялся! Удочка дугой выгнулась. Мне даже показалось, что ещё чуть-чуть – и удилице сломается напополам...

– Сильные там окуни. Натуральные дикие зверюги, – подтвердил Иван Иванович. – Тёмные же они оттого, что дно в Боровом озере торфяное, тёмно-тёмно-бурое. Да и глубины там приличные. Местами доходят до пятидесяти метров.... А, где находится землянка, не забыли?

– Это которая старая-старая? Оставшаяся ещё с войны?

– Там других-то и нет.

– Вроде бы, на длинном каменистом мысе, который слегка напоминает хитрую лисью мордочку, – почесав в затылке, предположил Егор.

– Правильно, внучок, рядов с гигантским корневищем-выворотнем. До Борового озера будет километров семнадцать-восемнадцать. До вечера дотопаете. Найдёте землянку, в ней и заночуете.

– Там же очень сыро. Все стены обросли лохматой бело-голубой плесенью.

– Ничего страшного, – усмехнулся старик. – Вы же у меня, слава Богу, не बारे. Перебедуете. Чай, не впервой.... Во-пер-

вых, надо очистить стены от плесени. Во-вторых, старательно прибраться в землянке и застелить нары свежим еловым лапником. В-третьих, растопить печку. Она сложена из дикого камня и попервости слегка дымит. А потом, когда камни нагреются, перестаёт. Поэтому используйте только сухие сосновые дрова. Берёзу, ёлку и осину, вовсе, не подкладывайте в топку.... Наварите впрок густой рисовой каши с тушёнкой. Первый котелок съешьте. В смысле, рисовую кашу, сваренную в нём. После этого загружайте котелок по новой. Когда каша остынет, переложите её в полиэтиленовый пакет. В принципе, можно повторить процесс и по третьему разу...

– Дедуль, зачем такие сложности? – удивилась Алина.

– Затем, что начиная с завтрашнего дня, вам придётся – на время, понятное дело – позабыть о горячей пище.

– Почему – позабыть?

– Для пушей перестраховки. Сегодня я постараюсь немного потянуть время. Естественно, и следы – по мере сил – буду старательно путать. Мол, вы уехали – вместе с Мишкой и Артёмкой – в город.... Но к вечеру, наверняка, всё прояснится. Не забыли про младшего лейтенанта, расквартированного в «лесном доме»? Вот, то-то же.... Кроме того, как мне показалось, соседка Марфа видела, как я уходил в лес с тяжёлым рюкзаком за плечами. Дверные петли в её баньке характерно скрипнули, а за нашим забором что-то прошелестело.... Думаю, что завтра – с самого утра – в воздух поднимут вертолёты, а поисковые команды, сидящие в них, бу-

дут с тройным усердием реагировать на каждый лесной дымок. Особенно в первые дни поисков. Поэтому о кострах – и о дневных, и о ночных – рекомендую забыть. По крайней мере, на неделю. А если нет костра, то, понятное дело, нет и горячей пищи...

– Нам, что же, придётся целую вечность сидеть в этой отсыревшей и забытой Богом землянке? – возмутился Егор. – Без горячей пищи? Впроголодь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.